

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

ДИЖАРИ
ОЙКУМЕНЫ

Книга III. ВОЖАК

Ойкумена

Генри Олди

Вожак

«Автор»

2014

Олди Г. Л.

Вожак / Г. Л. Олди — «Автор», 2014 — (Ойкумена)

Астлантида, мир энергетов-убийц, в кольце эскадр Ойкумены. Совет Галактической Лиги спорит до хрипоты: как поступить с упрямым Островом Цапель? Три решения – карантин, уничтожение и насильственная технологизация – имеют свои плюсы и минусы. На кону – судьба целой расы. Контр-адмирал Ван дер Вейден выполнит любой приказ: разнесет Астлантиду в клочья, высадит на планету десант или встанет бронированным кордоном на границах системы. В разгар спора на Тишри – планету, где базируется Совет Лиги – прибывает обер-центурион Марк Тумидус. Все новенькое, с иголочки: глаз, звание, орден, цели и средства. Прежней осталась лишь волчья натура помпилианца. Впрочем, чистота расы молодого офицера с некоторых пор вызывает сомнения... «Вожак» – третья, заключительная книга романа Г. Л. Олди «Дикари Ойкумены». Это долгожданное продолжение цикла, начатого романами «Ойкумена» и «Городу и миру». Героями предыдущих эпопей были артист Лючано Борготта и врач Регина ван Фрассен. Герой «Дикарей Ойкумены» – солдат Марк Кай Тумидус. Можно сказать, герой-профессионал.

© Олди Г. Л., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	32
Глава третья	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Генри Лайон Олди

Дикари Ойкумены. Книга третья. Вожак

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

«Вся наша жизнь – приказы и подчинение. Даже когда мы полагаем, что руководствуемся исключительно порывом души – мы в плену самообмана. Желудок прикажет, и сломя голову несешься в сортир. Или терпишь до последнего, не в силах оторваться от увлекательной игры. Приказы явные и скрытые, простые и сложные, моральные и преступные. Подчинение добровольное и насильственное, полное и частичное, осознанное и неосознанное.

Миллион градаций, оттенков, нюансов.

В этом плане приказы богаче смыслами, чем философский трактат. В этом ключе подчинение разнообразнее всех соблазнов Ойкумены. Можно ли организовать бытие по-другому? Вряд ли. Можно лишь мечтать о каком-то ином Космосе, где благой Творец рискнет вывести нас из тупика опостылевших взаимоотношений...

Такая мечта – иногда приказ, иногда подчинение.»

Адольф Штильнер, доктор теоретической космобестиологии

– Эй! – заорал Пак. – Давай сюда!

От возбуждения карлик вышел в стойку на одной руке – и, сотрясая перила, взвизгнул сиреной:

– Быстро!

Старик вылетел на веранду, как ядро из пушки. Сравнение было архаичным, можно сказать музейным. Внешность Луция – морщины и складки, бугры и впадины, увенчанные копной седых волос, жестких как мочало – подбрасывала и более древние метафоры: стрела из лука, камень из пращи. Левую щеку от скулы до подбородка украшал пышный бакенбард пены – Луций Тумидус брился, и вопль маленького акробата застал его на середине процесса. В пижамных штанах, голый по пояс, с пенными хлопьями, упавшими на безволосую грудь, Луций выглядел бы персонажем комедии-буфф, когда б не страх в его глазах.

– Что-то с Марком?!

– Смотри!

Пак вытянул свободную руку, указывая, куда именно надо смотреть. Голосферу визора карлик развернул на манер экрана допотопного кинематографа, широко-широко, и выгнул дугой. Изображение вписалось в окружающий пейзаж не «окном», а натуральной диорамой. Под далекое фырканье бегемотов, в мерцании, обозначавшем край кадра, пронзаемые насквозь шальными бабочками с мохнатыми усиками, по подиуму расхаживали модели – большей частью мужчины. Их как одна мама делала, а не мама, так инкубатор: рост, плечи, талия, грудная клетка...

Лица значения не имели.

– Ты идиот, – внятно сказал Луций. В голосе старика пробились интонации шпрыхшталь-майстера Донни Фуцельбаума: когда матерый шпрых был не в духе, от его шепота шарахались тигры и укротители. – Ты кретин. Жертва аборта. Я утоплю тебя в бочке яблочного сидра.

– Завтра, – отмахнулся Пак, не меняя позы. – Завтра утопишь.

– Сегодня. Сейчас.

– Смотри, говорю! Вот ведь старый дурак...

– На Китте, во Дворце Нгбене Чаа, состоялась Неделя мужской моды, – прервала дикторша намечающуюся ссору. Кукольное личико всплыло над моделями, дефилирующими туда-сюда; казалось, дикторша вот-вот плотоядно облизнется. – В ее рамках самые знаменитые стилисты продемонстрировали свои коллекции сезона. На семь дней подиум превратился в одно

захватывающее шоу. Дебютный выход Пилаччи Стефани в качестве креативного директора «Gnozis Emergeny», богемная коллекция Нуунер & Rolladson, созданная по мотивам фресок монастыря Апперальо, модели госпожи Прудон – гирлянды цветов в сочетании с травяной мини-юбкой. Завершала показ линейка стилей скандально известного элит-визажиста Игги Добса. Вниманию публики был предложен...

Прямо на Луция шел красавец-мужчина, одетый в комплект пеньковых веревок. Гроздь узлов, завязанных с матросским талантом, частично скрывали пах, соски и пупок. Это скорее привлекало внимание, чем служило данью скромности. Двигаться путы не мешали, но кое-где веревки обвивали тело слишком туго, вынуждая жилы вздуться, а мускулы – проявиться рельефнее. Голову модели венчал берет, сбитый на затылок. Из-под берета вился роскошный льняной чуб.

– Стоп, – сказал Луций.

Он говорил самому себе. Вряд ли «стоп», озвученный в южной ночи Октуберана, мог задержать модель на подиуме сверх положенного. Взяв с перил тряпку, которой оказались запасные шорты Пака, старик вытер мыльную пену и бросил шорты обратно. Он не осознавал, что делает: взгляд Луция намертво прикипел к демонстрации.

Второй красавец-мужчина носил бриджи до колен и приталенную размахайку. На лацканах размахайки блестели значки: ромбы, круги, зигзаги. Бриджи удерживал пояс с крупной пряжкой из грубо обработанной латуни. Станным образом пряжка гармонировала с лицом модели: брутальная утонченность, симбиоз контрастов. В походке красавца-мужчины было что-то от строевого шага.

– Марк, – кивнул Луций. – Точно, Марк.

– То-то же, – откликнулся Пак. – Сам ты кретин и жертва аборта.

Вряд ли зрители, даже поверхностно знакомые с Марком Тумидусом, уловили бы прямое сходство. Пожелай законный правообладатель – или его представитель-юрист – подать на Добса в суд, материала с гарантией не хватило бы. Но дед не мог ошибиться, видя за каждой моделью призрак внука; в особенности такой дед, как клоун Луций. Впрочем, хитровану Паку потребовалось еще меньше времени на анализ ситуации, верный вывод и крик:

«Эй! Давай сюда!»

– Нам удалось, – тоном заговорщика, провоцирующего неопита на государственную измену, сообщила дикторша, – взять интервью у Игги Добса, известного в кругах высокой моды, как Оп-ди-ду-да. Вот что ответил господин Добс по поводу нынешнего пилотного показа...

Подиум сменился крупным планом: Игги Добс собственной неповторимой персоной. Стилист был под сильным кайфом. Расширенные зрачки, капли пота на лбу, жестикуляция, слабо связанная с речью. Интервью грозило стать бомбой.

– Это не линейка, – сказал он. – Это приборочный эскиз. На идею меня вдохновил мой друг, курсант военного училища на Тренге. Встреча с ним стала незабываемым пятном в моей жизни...

Качнувшись, Игги с нажимом повторил:

– Да, пятном! Я планирую начать переговоры с человеком, которому я обязан жизнью, чтобы приобрести права на использование базовых элементов его личного имиджа. После этого я расширю милитари-линейку, присовокупив к ней...

– Тренг? – брови дикторши, как две птицы, вспорхнули на гладкий лобик. – Училище? Мне подсказывают, что на Тренге расположено всего одно училище: семнадцатое высшее военное училище либурнариев ВКС Помпилии. Вы не ошиблись?

– Я? – Игги Добс расхохотался. – Детка, в одном моем мизинце больше ума, чем в коллективном мозгу твоей языкатой братии! Ясен пень, речь о Марке Тумидусе из семнадцатого высшего! А ты что, решила, будто я шучу?

– Но ведь это, – дикторша брезгливо скривила рот, – абордажная пехота? Вы же должны понимать, чем занимается абордажная пехота Помпилии?

Игги встал по стойке «смирно»; вернее, предпринял такую попытку – и остался доволен результатом:

– Я? Я-то понимаю! Абордажная пехота – клевые парни! Они спасли нас: меня, Латомбу, девочек... Нас жрали живьем, крошка! Высасывали через соломинку! Оп-ди-ди! И кто нас вытащил из жопы?

– Господин Добс! Мы в эфире!

– Был бы я господин Добс, если бы не мой друг Марк! Новая линейка посвящена ему, и баста. Часть гонорара я намерен перечислить в благотворительный фонд помощи ветеранам ВКС Помпилии! Ты вообще улавливаешь, как это круто? А?! Или у тебя ловилку отшибло?!

– Мы возвращаемся на подиум, – дикторша повернулась к зрителям. Лик ее был безмятежен. После того, как финал интервью с Игги Добсом вырезали монтажеры, дикторше дали время восстановить душевное равновесие. – Свою коллекцию белья демонстрирует несравненная Влада Трури. Вашему вниманию...

Пак выключил звук.

– Скандал, – заметил карлик. – Он сечет фишку, этот Добс. Нас жрали живьем, слава абордажной пехоте... Популярность на скандалах пухнет, как на дрожжах. Надеюсь, Марк понимает, что такой контракт стоит денег? Серьезных денег: вкусных, хрустящих?

– Командование, – возразил Луций. – Не разрешат.

– За чужие бабки поднять реноме абордажников? Разрешат, еще и орден дадут...

– Убери. Видеть не могу...

Диорама схлопнулась. Стало темно, веранду освещал только ночничок над входом, да звезды в небе. Луций сел на ступеньки, ладонями сжал виски. Болела голова. Переволновался, подумал он. Вредно в моем возрасте. А что полезно?

– Юбилей, – сказал старый клоун. – Круглая дата.

– Скоро, – кивнул Пак. – Где гуляем?

Часть первая Тишри

Глава первая Возвращение героя

I

- Кофе.
- Какой желаете?
- Любой. Покрепче.
- Хорошо, генерал.

Бармен взгляделся в знаки различия. Улыбнулся:

- Извините, военный трибун. Конечно же, трибун.

Гай Тумидус смотрел на бармена с тихой ненавистью. В сущности, бармен – рядовой боец из легиона obsługi, захватившей в плен космопорт Бен-Цанах – ни в чем не был виноват. Разве что улыбка... На ненависть Тумидусу отвели три месяца. Без малого сто дней, минувших после возвращения из Крови, изменник, легат, а ныне военный трибун ВКС Помпилии возвращивал, холил и лелеял ядовитую змею, жалившую его в сердце. Он ненавидел новое воинское звание. Ненавидел семиконечные звезды на погонах. Ненавидел трибунский жезл. И ничего не мог с собой поделаться.

«Есть ли что-нибудь, – думал он, барабаня пальцами по стойке, – хуже родины гневной? Родины отвергающей, изгоняющей? Разумеется, есть. Родина кающаяся, ползущая к тебе на коленях. О, это стократ хуже...»

- Ваш кофе, трибун.
- Благодарю.

Бармен улыбнулся еще раз. Тумидус содрогнулся. Невпопад он вспомнил улыбку отца: одну, другую, третью. У отца про запас имелась тысяча улыбок, усмешек, ухмылок. На любой вкус, под любую ситуацию. Среди них не было только такой, какую сейчас демонстрировал бармен.

Чучело улыбки; шедевр таксидермиста.

У гематров скверно с мимикой. Сотрудников космопорта, крупнейшего на Тишри, специально обучали верным мимическим реакциям при контакте с инорасцами. Это считалось психологически комфортным. Гипно-курсы, специальные тренировки у зеркала; раз в год – повышение квалификации за счет администрации Бен-Цанаха. Теория и практика, практика и теория. Мышца, наморщивающая бровь, при сокращении смещает брови вниз и внутрь, к переносице. Мышца, поднимающая верхнюю губу, сокращаясь, углубляет носогубную складку. Мышца смеха непостоянна, ее задача – растягивание уголков рта в стороны... Бармен в совершенстве владел мускулатурой лица. От этого совершенства хотелось биться в истерике.

- Сливки? Сахар?
- Спасибо, не надо.
- Кофе был превосходен.
- Мама! Я видел этого дядю по визору!
- Не кричи, это неприлично.

- Я видел! Это не дядя! Это символ!
- Сулла, не мели чепухи...
- В визоре говорили, что он – символ!
- Символ чего?
- Каяния. Я точно...
- Покаяния?
- Ага! Символ нашего покаяния... Мама, я хочу автограф!

Мимо шла молодая семья: муж, жена, мальчишка пяти лет. За ними на поводке плыл антиграв с багажом. Помпилианцы, отметил Тумидус. Судя по наклейкам, украшавшим чемоданы, только что прилетели с Октуберана. Мальчишка приплясывал на ходу, стараясь вырвать руку из мертвой хватки матери. Мальчишка стремился в бар, туда, где пил кофе военный трибун.

- Хочу автограф!

Тумидус отвернулся. Уставился в чашку, словно в навигационную сферу на трудном участке трассы. Он боялся увидеть реакцию бармена на мелкого идиота. Три месяца, сказал он себе. Нет, не так. Тебе очень повезло, болван, что дома ты провел всего пять недель. Тридцать пять дней ада кромешного. Потом тебя вызвали на Тишри, где сплошные гематры, где улыбки – комплексная работа мышц... На память пришел Лентулл с его рассказами о неверных женах. Измена – пустяки, говорил Лентулл. Куда хуже, если она раскается, вернулась, а ты принял. Теперь думай: котлета – это просто котлета, или она так заглаживает вину? Секс – просто секс, или она, угадывая твои желания, просит прощения?

- С ума можно сойти...

Родина угадывала желания. Меняла позу за позой, соглашалась на экстрим, лишь бы доставить удовольствие. Коллантариев-помпилианцев восстановили в расовом статусе. Присвоили звание почетных граждан империи, с правом бесплатного проезда в транспорте, включая звездолеты. В честь вчерашних изменников, ныне – героев, прошел с десяток факельных манифестаций, внушительных и многолюдных. Титулы, звания, награды и привилегии были возвращены с лихвой. Запрет посещения планет, принадлежащих Великой Помпилии либо находящихся под ее протекторатом, сняли. Земельные владения и иная недвижимость вернулись к прежним хозяевам. Налоговые льготы стали предметом зависти соседей. Если бы этим дело ограничилось, военный трибун Тумидус спал бы спокойно, не зная слово «ненависть». Ах, если бы...

- Увы, родина начала каяться.

- Увы дважды и трижды, родина каялась публично.

Великая Помпилия демонстрировала всей прогрессивной Ойкумене: ошиблась, виновата. Стою на коленях, бью поклоны. В документальных фильмах, транслируемых от Хиззаца до Кемчуги, освещалась личная жизнь коллантариев: неизменно моральная. В ток-шоу обсасывались поступки новоявленных любимцев публики: каждый чих превращался в подвиг. Журавли возвращались домой, во главе клина шел Гай Октавиан Тумидус. Ему достался тягчайший крест: на официальных приемах и в прямом эфире он выслушивал извинения сенаторов, наместников и первых секретарей имперской канцелярии. Слушал, кивал в особо драматических местах – и сорванным голосом хрипел, как он горд, как доволен, как страстно любит отечество.

- Втайне он полагал, что легче было жить изменником.

Из архивов подняли записи триумфа, которого легат Тумидус был удостоен за высадку на Малой Туле. Эксцессы, проходящие под грифом «Особо секретно», вырезали, позорную драку с шептуном стерли. При монтаже оставили главное: гвардия в парадной форме, береты набекрень, золото шнуров. Ордена, медали – «За благородство помыслов», «За заслуги в обеспечении национальной безопасности»... В адаптированном виде триумф показывали учени-

кам средних школ и курсантам военных училищ. Выступать перед молодежью военный трибун Тумидус отказался наотрез. Его сняли в отдельной студии, по особому сценарию, убрали проклятья и грязную брань, наложили прочувствованный баритон диктора, подвесили название: «Символ покаяния империи» – и пустили *душеподъемным* роликом в дополнение к триумфу.

– Здравствуйте, офицер. Прошу прощения...

– Что?

– Вы не дадите ребенку автограф?

Сопляк победил. Смушенная – румянец во всю щеку – мамаша протягивала Тумидусу уником с развернутой сферой и лучевой стилус. У входа топтались мужчины: большой и мелкий. Они были похожи, как бывают похожи только дебилы в фазе возбуждения.

– Дам.

«Не ходи в армию, – написал Тумидус, с удовольствием глядя, как у мамашы, привлекательной женщины, отвисает челюсть. – Сиди дома, щенок. Понял?» И расписался:

«Гай Октавиан Тумидус, клоун.»

– Почему клоун? – изумилась мамаша.

– Гены, – мрачно объяснил военный трибун. – Наследственность.

– Вы шутите? Шутите, да?!

– Еще кофе? – спросил бармен.

Он оставался бесстрастен, как и подобает урожденному гематру. Тумидус был искренне благодарен бармену за это.

II

Крыша и борта мобилы растворились в воздухе.

– За три месяца не налюбовались? – сварливо поинтересовался лысый Мамерк.

– За эти месяцы, – закончив возиться с настройками, Юлий Тумидус погасил командную сферу пульта, – я всего пять раз выходил за территорию нашего представительства. Дважды меня экстренно хватали за шкирку и возвращали обратно. Нет, Мамерк, я не налюбовался.

Снаружи восьмиместный «Лендер» напоминал маринованную оливку, испещренную сизыми пятнами. Стекла Юлий затенил, прозрачность корпуса выставил одностороннюю. На таких машинах, прозванных в народе «летучими бегемотами», многодетные семейства выбирают на загородные пикники. Предположить, что громоздким рыдваном воспользуется госпожа имперская безопасность, мог только законченный параноик.

«Если у вас паранойя, – вспомнилась старая, как мир, шутка, – это еще не значит, что за вами не следят.» Кстати, насчет слежки. Сильно ли потроха «бегемота» отличаются от начинки стандартного «Лендера»? Охрана, конспирация, шпионские игры – все это уже не вызывало у Юлия никаких чувств, в том числе и раздражения.

Привык.

Мобиль шел в первом воздушном эшелоне: сорок метров над серо-стальным полотном наземного хайвэя. Справа и слева проплывали шестигранники офисных зданий, облицованные золотистыми панелями солнечных батарей. Столбики старинных монет, сокровищница исполина.

«Нам следовало бы учиться у гематров. Предельная рациональность, учет множества факторов, комплексный подход. Покрытие из фотоэлементов – раз. Гематрицы – дело хорошее, но дополнительная энергия лишней не бывает. Система застройки – два. Здания не затевают друг друга; создается ощущение простора, решается проблема парковок и транспортных магистралей. Имидж – три. Недаром в «золотых» кварталах обосновались представительства крупнейших компаний и финансовых корпораций Ойкумены. Ой, *не даром!* И это ясно мне, инорасцу. А гематры наверняка просчитали и «четыре», и «пять», и «тридцать шесть»...»

Клинок хайвея рассекал пространство, уходя вдаль, к вырастающим на горизонте терминалам космопорта. За ними, над взлётно-посадочным полем, взмывали ввысь, растворяясь в темно-синих чернилах, или, напротив, спускались с небес корабли. Слух болезненно напрягался, воспринимая тишину, как глухоту – ни грохота, ни рёва. Взгляд искал вспышку плазменного факела, выхлоп планетарных химических движков – искал и не мог уловить. Глиссады, «косые старты», атмосферные манёвры – всё, кроме строгой «вертикали» на антигравях, было строжайше запрещено. Исключения – только в случае аварийной ситуации. Аварий на Бен-Цанахе не случалось более ста лет. В первую очередь, благодаря жестким правилам безопасности и знаменитым диспетчерам Тишри, рядом с которыми сторали от зависти суперкомпьютеры.

Лучи осеннего солнца пронизывали воздух, наполняя мир светом: мягким, прозрачным. Казалось, скройся солнце за облаком, и ничего не изменится: воздух продолжит светиться сам по себе. Город кончился, потянулись крыши ангаров, складов и энергостанций. Их вид навевал уныние: панельные фотоэлементы имели цвет мокрого асфальта. Контраст с «золотыми» кварталами, по всей видимости, спланировали сознательно. Прикинув суточный грузооборот космопорта, Юлий уверился: складской комплекс уходит под землю на семь-восемь уровней, не меньше.

Он глянул на браслет-татуировку – в сотый раз за сегодня.

– Не волнуйтесь, – госпожа Зеро пожалала плечами. – Успеваем с запасом.

– Я не волнуюсь.

Юлий врал; старуха знала, что он врет. Да, с вызовом подумал Юлий, волнуясь. Пытаюсь отвлечься, как могу: изучаю пейзаж, цепляюсь за любую малозначащую мысль, достраивая к ней логическую цепочку. Чтобы это заметить, не нужно быть имперской безопасностью.

– Ресурс рабов вашего сына по-прежнему не меняется?

Вопрос застал Юлия врасплох.

– Что?

– Вы слышали.

Конечно, слышал. Просто нуждался в паузе, чтобы собраться и переключиться. Они со старухой в одной лодке, но ухо стоит держать остро.

– Нет, не меняется. Предвосхищаю ваш следующий вопрос: рабов продолжают эксплуатировать в штатном режиме.

Это был тот редкий случай, когда Юлий терялся в догадках: действительно ли госпожа Зеро не интересовалась энергоресурсом рабов Марка, утонув в державных хлопотах, или всё ей, хитрой бестии, прекрасно известно, и вопрос – лишь подводка к чему-то более важному.

Старуха молчала, сосредоточенно глядя поверх левого плеча Юлия. Очень хотелось обернуться: кто там, за спиной? Нервы, гори они огнем...

– У меня к вам просьба, эксперт.

Просьба – это плохо. Очень плохо. Если имперская безопасность не приказывает, а просит...

– Не упоминайте вслух об этом факте. Молчите даже в разговоре с теми, кто будет настаивать, размахивая высочайшими допусками.

– Почему?

– Вы хотите, чтобы Марка перевели из консультантов в подопытные кролики?

– Не хочу, – согласился Юлий. – Я вас понял.

Официально «астланский вопрос» находился в компетенции Совета Лиги, чья штаб-квартира располагалась на Тишри. С того момента, как Великая Помпилия взорвала ситуацию, бросив бомбу Астлантиды на стол председателя Совета, карусель закружилась, ускоряясь с каждой минутой. К эскадре «Гладиус», дежурящей на дальней орбите Острова Цапель, присоединились две тактические бригады кораблей Лиги. Информация по злополучной планете и её

обитателям без промедления предоставлялась узкому кругу вершителей судеб цивилизованного мира – и за пределы этого круга не выходила. За сохранением тайны бдительно следили цепные псы спецслужб; волкодавы госпожи Зеро – в первую очередь.

Три месяца лихорадочного сбора данных. Исследования, экспертные оценки, консультации. Обсуждения в кулуарах; private беседы. Со дня на день переносилось закрытое заседание Совета. Великая Помпилия готовилась выступить с шокирующим предложением, в формировании которого госпожа Зеро сыграла не последнюю роль.

Увы, неясностей оставалось больше, чем хотелось бы. В потоке уникальных данных, поступавших из системы AP-738412, затерялась мелочь, грошовый пустячок: энергоресурс рабов Марка Кая Тумидуса всё это время оставался стабильным. Сенаторы и светила науки, представитель империи в Совете и свора его личных экспертов, политики и академики – никто не придавал этому значения, не обратил внимания, попросту забыл, занят решением проблем галактического масштаба.

Хвала Космосу: помпилианцы не привыкли думать о рабах – ни о своих, ни, тем более, о чужих. О них вспоминали лишь тогда, когда у «живой батарейки» заканчивался ресурс и назревала необходимость очередного клеймения. Но если кто-то выудит из кучи хлама странный феномен; если выяснится, что батарейку можно превратить в аккумулятор с подзарядкой в режиме реального времени...

В феномен вцепятся клыками и когтями!

Весьма вероятно, что имперский представитель получит распоряжение из метрополии: не озвучивать уже готовое предложение по треклятой Астлантиде. Напротив, его обяжут настаивать на изучении ситуации, длительном и скрупулёзном. Ибо решение «астланского вопроса», в чём бы оно ни заключалось, грозило поставить жирный крест на феномене, сулившем радужные перспективы для Великой Помпилии.

Бесплатный сыр – начинка мышеловки. Старуха чуяла угрозу за сто парсеков, на сотню лет вперед. Обостренная интуиция криком кричала: берегись! Приспосабливать энергетику астлан к нуждам империи – смертельно опасно! И если кто-то заинтересуется рабами Марка Тумидуса... Всего влияния и авторитета госпожи Зеро не хватит, чтобы подавить этот интерес в зародыше.

– И попросите своего сына, чтобы он тоже помалкивал.

– Марк не из болтливых. Я переговорю с ним.

– Надеюсь, сын пошел в отца. Я рада, что у нас с вами полное взаимопонимание.

Юлий усмехнулся:

– Мы, Тумидусы, все патриоты.

Госпожа Зеро с сомнением поджала губы, но промолчала. Терминалы космопорта уже нависли над «Лендером», словно чертоги фей из детских сказок – гигантские радужные купола из поляризованного плексанола.

Машина пошла на снижение.

III

– ...повторяю: в 16:42, в секторе А-шесть-прим совершила посадку частная яхта «Стриж», следовавшая по маршруту «Квинтилис – Борго – Тишри». Вниманию встречающих: экипаж и пассажиры яхты в настоящее время проходят паспортный и таможенный контроль на зеленой линии второго южного терминала. Повторяю: в 16:42, в секторе А-шесть-прим...

Пора, сказал себе Гай Тумидус. Пальцы тронули сенсоры коммуникатора, активируя «Замочную скважину». Запрос пароля; ввод пароля, полученного при въезде в космопорт. Программа индивидуального слежения, разрешенная в Бен-Цанахе, называлась как-то иначе, сухо и скучно, но все привыкли к фривольной «Скважине» и переучиваться не желали. В

голосфере возник пропускной пункт: таможня, будки иммиграционной службы, скупой ручеек людей, прилетевших на яхте. Трансляция велась с камер, специально предназначенных для свободного наблюдения; при желании можно было включить звук. В случае, если пограничник или таможенник предполагал конфликтную ситуацию, камеры отключались; также они блокировались по первому требованию досматриваемого.

Последнее случалось редко: жаждешь конфиденциальности – распотрошат с тройным усердием.

Гости Тишри шли налегке. Багаж, включая ручную кладь, проверялся автоматически. Сразу после досмотра вещи отправлялись в грузовые такси-беспилотники, забронированные с борта. Первыми освободились капитан и двое пилотов. Традиция: с гибнущего корабля капитан уходит последним, а после благополучного рейса – наоборот. Следом из коридора, как пробки из бутылок с шипучкой, выскочила стайка хохочущих стюардесс. Что смешного нашли девицы в вопросах таможни, Тумидус не знал. С терпением, мало свойственным военному трибуна, он ждал; владелица яхты, по представлениям Тумидуса, должна была идти последней.

Есть женщины, которые никуда не торопятся, но везде успевают.

Он угадал: Юлия Руф замыкала процессию. Антоний, верный телохранитель, на шаг опережал Юлию, внимательно поглядывая по сторонам. Вежливость, требующая пропускать даму вперед, проигрывала схватку с профессиональными навыками. Рядом с помпилианкой шел еще один мужчина, при виде которого Тумидусу захотелось выпить стакан водки, лучше – тутовой, а еще лучше встать с табурета и сбежать на северный полюс планеты.

С Лючано Борготтой, мужем Юлии, у трибуна были общие воспоминания, и не сказать, чтоб приятные.

Поморщившись, он дал звук.

– ... Антоний Дец Гракх?

– Да.

– Полтора года назад вы посещали Тишри как Антоний Гракх Дец. Какая фамилия у вас первая?

– Сейчас – Дец. В тот раз – Гракх.

– Причина?

– Это имеет значение для разрешения на въезд?

– Нет.

– В таком случае, не ваше дело, офицер.

– Вот ваш паспорт. Проходите.

Выйдя за желтую линию, Антоний остановился, поджидая Юлию. Лицо его бесстрашием могло соперничать с лицом контролера. В отличие от гематра, Тумидус знал, почему телохранитель менял порядок своего двойного *номена*. Когда Антоний последовал за Юлией в изгнание, старый лис постарался обезопасить многочисленное семейство Дец от лишних распросов. Верность гражданина изменнице родины – повод для сплетен и пересудов. По линии Гракхов у Антония родственников осталось мало: сводный брат, начальник военного училища на Тренге, не обремененный семьей, да двоюродная тетка, впавшая в маразм старуха-вдова.

Когда Юлии вернули расовый статус, маскировка потеряла смысл.

– ... Юлия Руф?

– Да.

– Вот ваш паспорт. Проходите.

– Всего доброго, офицер.

– Нет, погодите. Задержитесь у линии.

– Проблемы?

– Ждите у линии. Лючано Борготта?

– Да.

- Вы, насколько мне известно, коллантарий?
- Ну? – голос мужа Юлии звенел от раздражения.
- Ваша жена – тоже коллантарий?
- Это что, преступление?

Вот так всегда, говорил весь вид Лючано Борготты. Стоит куда-нибудь прилететь, и начинается кавардак. Скоро уже по нужде нельзя будет сходить, чтобы из унитаза не грянул окрик: «Стоять! Ноги на ширине плеч!». С трудом удерживаясь от желания надерзить погранцу, Лючано засунул руки в карманы, выпятил грудь – и стал похож на драчливого петуха. Присутствие супруги лишь разжигало в нем боевой пыл.

- Почему вы прилетели на яхте?
- А как мы должны были попасть на Тишри? Пешком прийти, что ли?!
- Вы коллантариисты. Вам не нужна яхта. Повторяю вопрос...

– Не надо, я понял. Офицер, коллант – это группа из шести-семи участников. Вдвоем мы с женой, как бы нам ни хотелось, не в состоянии образовать полноценный коллант. А тащить за собой с Китты на Квинтилис, с Квинтилиса на Борго, а потом – с Борго на Тишри еще пятерых человек...

- Ясно. Проходите.
- ...у которых полным-полно своих собственных дел и забот...
- Господин Борготта, вы свободны.
- ...и которым нет дела до причуд тишрийских сторожей...
- Повторяю: свободны. Вы тоже, госпожа Руф.

Продолжая бурчать, Лючано догнал жену. По мере удаления от ретивого контролера он повышал градус речи: упреки перерастали в оскорбления, а оскорбления – в откровенную брань. Чувствовалось, что сегодня не лучший день в жизни заведующего кафедрой иницирующей невропазии.

Жизнь налаживается, подумал Гай Тумидус, следя за взбешенным Борготтой. Если он не остынет в ближайшие полчаса, я соглашусь, что день прожит не зря. Набрав прямой индекс связи с Юлией, трибун повернулся к бармену:

- Как называется ваше заведение?
- «Золотой ключ».
- Спасибо.

В сфере было хорошо видно, как Юлия кивает. Имплантант за ухом позволял ей слышать диалог Тумидуса с барменом так же ясно, как если бы помпилианка находилась у стойки. Трибун не стал добавлять «Жду здесь!» или что-то в этом роде. Юлия терпеть не могла дополнительные разъяснения, полагая их пустой тратой времени. Хочешь увидеть разъяренную львицу? – начни нудить в беседе с госпожой Руф.

- Накройте столик на четверых, – велел Тумидус. – Там, в углу.
- Сделаете заказ?
- Графинчик водки. Тутовая есть?
- Есть, – бармен ничуть не удивился. – Выдержанную?
- Разумеется. Легкая закуска на ваше усмотрение.
- Кофе?
- Всем, кроме меня. Дальше – по обстоятельствам.

IV

- Кофе?

В последнее время Юлий возненавидел кофе. Еще бы, если твой организм пропитался им насквозь! Работать приходилось сутки напролёт, а от синтетических стимуляторов Юлий отказался наотрез. Сейчас он и без кофеина был на взводе.

– Минеральной воды. Похолодней.

Мамерк фыркнул с осуждением: вопрос предназначался госпоже Зеро, а консультант беспардонно нарушил субординацию.

– И мне воды, – кивнула старуха.

Лысый набрал заказ в сервисной голосфере. Три высоких бокала – два с водой, один с ядовито-жёлтым апельсиновым фрешем – выехали из недр стола. Сделав глоток, Юлий оглядел зал ожидания. Бизнес-класс-II, автоматическое обслуживание. Строгий интерьер в стиле «хай-тек»: льдистые тона. Большинство столиков занято. Гул голосов время от времени перекрывало бархатное контральто информателлы:

– Рейс № 1274/2 «Тилон – Бисанда – Тишри» прибыл по расписанию. Встречающих, не имеющих программы индивидуального слежения по имущественным, религиозным или иным причинам, просим пройти в зал прибытия номер три первого восточного терминала...

Сейчас не стоило опасаться агентов бесчисленных разведок и контрразведок, которыми кишела Тишри. Шефы спецслужб получили недвусмысленные приказы из самых верхов, считай, из поднебесья: в дела Совета Лиги до особого распоряжения не лезть! Увы, независимым журналистам отдать такой приказ было некому. А прозрачные намёки поумерить пыл действовали на эту братию, как красная тряпка на быка. В итоге госпожа Зеро вместо VIP-зала ожидания облюбовала тихую заводь, многолюдную и непритязательную, где акулам гала-новостей не придет в голову искать жирную добычу.

Монету прячут среди других монет, человека – в толпе.

Полностью избежать утечки информации по Астлантисе не удалось. Кое-что просочилось на ранней стадии, во время отправки первых кораблей Лиги. Сплетни, домыслы, искаженные обрывки сведений, более или менее достоверных. Информационное пространство Ойкумены пришло в движение, подогреваемое запахом сенсации и воплями-заклинаниями о свободах граждан:

«Народ имеет право знать правду!»

Требовалось выпустить пар из котла, иначе варево выплеснулось бы мутным потоком, обжигая правых и виноватых. Коммюнике Совета Галактической Лиги было предельно лаконичным:

«На дальней границе Ойкумены найдена очередная обитаемая планета с цивилизацией ранне-технологического уровня развития. В настоящее время СГЛ рассматривает вопрос о включении планеты в Лигу. Ситуация осложняется рядом вялотекущих конфликтов между туземными государствами. В повестку заседания СГЛ включен вопрос о возможности высадки на планету ограниченного миротворческого контингента ВКС Лиги.»

Прочитав коммюнике, Юлий восхитился. Ни слова лжи! Даже насчет «уровня развития» – чистая правда. О том, что астлане – энергеты, в коммюнике тактично забыли упомянуть. Опять же, акценты: «*очередная* обитаемая планета», «*вялотекущие* конфликты», «*возможность* высадки»... В итоге событие, грозящее потрясением основ, низвелось до малозначительной рутины. Открыли каких-то варваров! Их что ни год открывают. Туземцы грызутся между собой? Грызня в порядке вещей. Принимать новичков в Лигу или нет? Пусть у Совета голова болит: принимать, не принимать, на каких условиях...

Репортёры пытались узнать больше. Им скормили ряд несущественных подробностей, а также снимки астланских джунглей. Порция экзотики, от которой зрители увяли через пять минут. В финале пресс-атташе Совета дал краткое интервью, отделившись отбегаемыми формулировками и ничего не сказав по существу.

По части демагогии атташе имел большой опыт.

Сенсация оказалась дутой, материал не стоил драгоценного внимания прессы. Лишь бойцы «жёлтых» – наижелтейших! – каналов с упорством шакалов кружили вокруг штаб-квартиры СГЛ. Они пытались разговорить всякого, кто имел доступ хоть к чему-нибудь. С назойливыми щелкоперами следовало быть настороже. Если уверятся, что от них скрывают что-то важное – зубами вцепятся, добудут информацию всеми правдами и неправдами.

А что не добудут, сами сочинят.

Из-за шакальих стай Юлию Тумидусу настоятельно рекомендовали не покидать территорию представительства Помпилии без крайней необходимости. Это была вторая причина, по которой он за три месяца не успел полюбоваться Сиккимом – городом, где располагалась штаб-квартира СГЛ.

Первая же и главная причина была – работа.

Ежедневные сводки по энергоресурсу рабов. Отдельно тех, что принадлежали погибшим либурнариям. Отдельно – по рабам уцелевших: Кнута, Змея и Ведьмы. Отдельно – по рабам декуриона Жгуна, погибшего при попытке клеймения. Рабов центуриона Скока, высосанных досуха, кремировали; эту графу статистики закрыли навсегда. Результаты экспериментов по установлению связи через рабов: как дальней, так и внутри системы. Отчёты военнослужащих...

Бесконечные вопросы без ответов.

– Результаты – мне, и только мне. В крайнем случае, Мамерку, – велела госпожа Зеро. – Представителю я буду сообщать сама.

«...то, что сочту нужным,» – мысленно закончил за неё Юлий.

Когда косяком пошли данные по системе: параметры континуума, напряженности полей, коэффициенты искажения радиоволн в атмосфере – он взбеленился: сказались бессонные ночи.

– Я – энергетик! А тут нужен физик, ясно вам?! – змеёй шипел Юлий, стараясь не сорваться на крик. – Не знаю, какой! Астрофизик! Квантовый механик! Специалист по теории поля! Гений-универсал! Знаете такого? Нет? Ищите, чтоб вас!

Шипение произвело эффект. Мамерк опешил, обалдел, сдал назад. Не будь адъютант госпожи Зеро лысым, волосы его встали бы дыбом.

Физик прибыл на Тишри через три дня. Анк Эмилий Назик, доктор наук, профессор Института фундаментальной физики континуума – молодой человек застенчиво топтался на пороге. Серый, неприлично мятый костюм висел на докторе Назике, как на вешалке. Гений-универсал напоминал вчерашнего студента, в лучшем случае – аспиранта. На Мамерка он поглядывал, как заключенный – на конвоира.

– Вы тоже военный? – с подозрением осведомился физик у Юлия.

– Обер-манипулярий Тумидус! – Юлий щёлкнул каблуками, забыв, что он в мягких туфлях без задника. – Вообще-то я энергетик. Консультант...

– О! – Назик воздел палец к потолку. – Голубчик, вы-то мне и нужны! Вы составили динамическую диаграмму спонтанных освобождений? Есть безумная идея. Если обнаружится корреляция с фрактальными возмущениями гипера...

Сработаемся, с удовлетворением подумал Юлий, раскрывая перед Назиком базы данных. Забыв о цербере, торчащем в дверях, физик и энергетик по плечи нырнули в сферу – комбинируя, переставляя, отыскивая соответствия, прочерчивая вторичные связи...

Мамерк покрутил пальцем у виска и вышел. Только лысина блеснула на прощанье.

Вдвоем работа пошла веселее. Назику выделили апартаменты по соседству, и он, игнорируя средства коммуникации, вламывался к Юлию по три раза на день – огорошить коллегу очередным безумством. Энтузиазма Назика хватало на десятерых. Он ухитрился заразить своей энергией и Юлия, но выздоровление наступило быстро.

Нет, Юлий Тумидус не бросил работу. Не разругался с Назиком. Просто ушёл азарт. Физик визжал от восторга: «Восхитительно! Полевой конфликт! Непроходимость гипер!» За всем этим для Назика стояли легионы формул, идущих на штурм законов мироздания.

А для Юлия...

Снедающее беспокойство. Синюшный раб-коматозник № 21 в медицинской капсуле. Страх, чувство омерзения при взгляде на заострившееся лицо. Без пяти минут мертвец был свободен. За краем Ойкумены погиб его хозяин, высосанный досуха вместе с сонмом своих рабов. Гибель соотечественников. Отчаянная надежда: Марк жив! Поединок слов и холодной логики, когда Марком готовы были пожертвовать, списав по графе «допустимые потери». Бессонные ночи. Звонки Валерии. И наконец – долгожданное: «Юлька, Марк живой!»

Живой...

Разве объяснишь это гениальному мальчишке, для которого не существует ничего, кроме уравнений? Юлий и не пытался. Зачем? Пусть человек делает своё дело. А он будет делать своё.

– ...Вниманию встречающих. Рейс № 0916/1 «Магха – Тренг – Хордад – Тишри» прибыл по расписанию. Встречающих, не имеющих программы индивидуального слежения... просим пройти в зал прибытия... третьего западного терминала...

Вскочив, он едва не опрокинул кресло.

V

– Задолбали, – бросила Юлия Руф.

Одним махом она опустошила свою рюмку и продолжила, не в силах остановиться:

– Могу по слогам: за-дол-ба-ли! Еще этот... «Почему вы прилетели на яхте?» Чтоб ты скис, придурок! Кто-нибудь видел любопытных гематров? Их, наверное, во всей Галактике три уникама! И конечно же, первый встречается мне...

Плохо выглядит, отметил Тумидус. Осунулась, стала раздражительной.

– Дети, – спросил он. – Вы оставили их на Квинтилисе?

– На Борго, – вместо Юлии ответил ее муж. – У тетушки Фелиции.

– Нам тебя не хватало, – Юлия вцепилась в рукав мундира Тумидуса, как утопающий в спасательный круг. Длинные ногти царапали, портили золотое шитье. – Где ты был, десантура? Нет, где ты был?! Мы прорывались с Квинтилиса с боем. Заградотряды, артиллерийский заслон, рукопашная... Мой отец сделал все, чтобы внуки остались с любимым дедушкой. Дедушка столько лет не видел шалопаев! Дедушка весь исстрадался! Он даже пытался симулировать инфаркт. Когда я его разоблачила, он подкупал внуков лошадками и личными конюхами...

– Тапир, – мрачней тучи, буркнул муж. – У тетушки есть тапир.

Юлия налила по второй: себе, потому что остальные выпить не успели. За маленьким круглым столиком четверым было тесно. Антоний отсел к дверям, вертясь на винтовом табурете. В разговоре телохранитель участия не принимал.

– Ненавижу, – Юлия тряслась в ледяном, опасном бешенстве. – Они заново вводили меня в имущественные права. Тебе хорошо, трибун. У тебя ничерта нет, кроме жалованья и орденов. А у меня недвижимость. У меня депозиты в банках. Акции, наконец. Земельные участки в курортной зоне. Цунами на них на всех! Я стерла пальцы в хлам, подписывая бумаги! Я стерла язык, давая интервью...

– Я тут тоже не развлекался, – обиделся Тумидус. – Ты в курсе, что я символ?

– В курсе. А ты в курсе, что мне восстановили ученые степени? Публично, под духовой оркестр? Это хуже, чем рвать зубы мудрости!

– Идиот ты, а не символ, – вмешался муж. Рюмку Лючано Борготта вертел в пальцах, будто раздумывал: выпить или выплеснуть трибуну в лицо. – Задницы кусок. Кто потащил в пекло маэстро Карла? Кто рисковал жизнью старого, больного человека? Я тебе этого никогда не прошу, символ. Там, где ты, там одни неприятности...

Тумидус аж закаменел от обиды.

– Там, где я? – начал было он. – Там, где я, Борготта? И это я слышу...

Юлия внезапно успокоилась.

– Хватит, – велела она. – Я женщина, меня истерики украшают. А вам, питекантропам, должно быть стыдно. Лючано, перестань: он не виноват, что Стёпа Оселков погиб в распавшемся колланте. И ты, трибун, угомонись. Лючано после гибели Степана сам не свой. Над всеми трясется, за всех боится. Когда он узнал, что маэстро Карл улетел с тобой...

– Я нервничал, – похоронным тоном откликнулся Лючано Борготта, словно это все объясняло. – У меня началась бессоница. Этот напыщенный...

– Хватит!

– Ладно, извини. Больше не буду.

Тумидус сперва не поверил своим ушам. Решил, что Борготта просит прощения у супруги. Но спустя минуту, до краев наполненную угрюмым сопением Лючано, военный трибун понял, что одержал главную победу в своей жизни. Потому что услышал еще раз:

– Извини, говорю. Устал, как собака...

– Твое здоровье, – согласился трибун. – Сладких тебе снов.

– Ты что, специально приехал встретить нас?

– В каком-то смысле.

– Нас, но не всех? Меня ты встречать не хочешь?

– Я имел в виду: не только вас. Я жду племянника...

– Она не хотела рассказывать, – теперь ораторский стих нашел на Лючано. Рюмку он опрокинул, не прерывая беседы. – Я знал про Стёпку, но не знал про эти гадские игры с недопомпилианцами. Пришлось вытягивать буквально по слову. По словечку...

– По жилочке, – уточнила Юлия. – Любимый супруг вгрызся в меня, как крыса в сыр. Железная Юлия? Он изъел мое железо насквозь, хуже ржавчины. Я отбивалась, молчала, пыталась врать. Но если Лючано Борготте что-то втемяшится в голову...

Тумидус кивнул. Он хорошо понимал госпожу Руф.

– Помпилия отыграла назад, – перебил жену Лючано. – Великая империя поджала хвост. Вы в расовом статусе, вы герои. На Октуберане восстанавливают головной офис «Грядущего». Идея коллантов опять пошла на взлёт. Если сейчас колланты начнут гибнуть, все успехи отправятся коту под хвост. А они начнут гибнуть, если китянские эксперименты продолжатся. Недопомпилианец-коллантарий, выход в космос, распад группы. Лживые, надуманные причины; ледышки в вакууме. Духовой оркестр? – он с укором посмотрел на Юлию, жующую ломтик сыра. – Духовой оркестр, радость моя, будет играть на похоронах. Марш за маршем, и все траурные. Ты что думаешь, вудуны так легко остановятся?

Юлия кивнула:

– Ты прав. Они не остановятся.

Ледышки, подумал Тумидус. Ледышки в вакууме. Шесть тел в холодной мгле; мертвецкий хоровод. И слабая искра – челнок «Карттики», приближающийся к останкам колланта. Я видел эту трагедию в записи. Я вспомнил ее, когда первый раз вступил в Кровь. И вот сейчас, в уюте бара, в безопасности, под тутовую водку.

– Не остановятся, – подтвердил он. – Раз за разом вудуны будут убирать коренного помпилианца из группы, заменяя кем-то другим. Я согласен с тобой, Борготта. Это очень меня беспокоит. Пока мы грыземся, все нормально. Такой, знаешь ли, закон природы. Но если мы придерживаемся одной точки зрения... Этого я боюсь. Я сделаю все, чтобы исправить ошибку.

– Хочешь скандала? – окрысился Лючано.

– Нет. Раз вудуны не останятся, я хочу их остановить. И знаю, как. Решение мне подсказал брат, перед моим отбытием в Кровь. Я обдумал его слова. Я зубы об них сточил, будь они неладны! «Я звал тебя «десятинщиком», – сказал он. – Я и сына так звал, поначалу. Я не хотел, чтобы он стал военным.» А потом озвучил решение. Юлия, все лежит на поверхности... Мы ломимся в открытую дверь. Вудуны уже остановились. Просто они об этом еще не знают.

– Водочки? – поинтересовался бармен. – Повторить?

И улыбнулся.

– Мне бы этого бармена, – задумчиво произнес Лючано Борготта, когда заказ был принят и доставлен. Тот факт, что бармен прекрасно слышит его рассуждения, Борготту не беспокоил. – Я бы откорректировал его улыбку до естественной. Ну, до почти естественной. Вы бы и разницы не заметили. Гематры обращались к нам на кафедру за консультациями. Хотят разработать электронный аналог невропаста. Контактный имперсонатор в виде чипа – вшил за ухо, и мимика налаживается...

Бармен слушал с интересом.

VI

– Нам к дипломатическому выходу, – сказал Мамерк.

Гибрид проводника с ледоколом, он вклинился в толпу, прокладывая дорогу. Старуха с Юлием двинулись за путеводной лысиной. Мамерк был приторно вежлив. Он не толкался, не ругался, но народ перед ним расступался сам собой. Вскоре они добрались до закутка в дальнем конце зала, остановившись напротив металлопластовой двери без таблички. Я, вспомнил Юлий, когда прибыл на Тишри, проходил через эту же дверь: без досмотра, без докучливых формальностей.

Приложил ладонь к сканеру – добро пожаловать.

Акустика зала не могла до конца погасить людской гомон. Вот-вот объявятся чьи-то родные, друзья, коллеги. Над головами висели «зонтики» с фамилиями прибывающих. Ожидание затягивалось. Последние минуты – самые долгие. Юлий представил, как оранжевая сигара модуля доставки лавирует меж громад кораблей. Или Марку выделили персональную скоростную капсулу?

Три месяца прошло с того момента, как Юлий увяз взглядом в сухой выдержке из доклада, чудом прошедшего через гипер с двадцатой попытки:

«...жив. Получил телесные повреждения. Жизнь вне опасности. Принимаются все необходимые меры для полного восстановления организма.»

Он знал: спрашивать бесполезно. Больше ему ничего не скажут. Больше не знает никто – по эту сторону границы, на просторах обжитой, уютной Ойкумены. «Жизнь вне опасности?» Может ли жизнь сына быть вне опасности в сложившейся ситуации?!

Ждать – тяжелее всего. Теперь, когда от его усилий ничего не зависело, когда судьбой Марка занялись другие люди, и Юлий никак не мог на них повлиять, сердце ударилось в галоп. Врачи – профессионалы. Они знают своё дело. И что?! Логика помогала, как мертвому припарки.

Позже старуха сообщила: Марк на Тренге.

«Почему на Тренге?! Почему не в лучших клиниках Октуберана?!»

«Ваш сын нуждается в реабилитации. Тренг – это не только военное училище, джунгли и динозавры. Это еще и превосходный курорт. Не знали? Песчаный пляж, надежный силовой барьер от хищников. Тёплое море, целебный воздух. Фрукты, витамины, покой и уединение. Неужели Марк не заслужил отдыха?»

Заслужил, подумал Юлий. Покой и уединение – в закрытом санатории на острове Сколарис, арендованном Помпилией у Лиги на девяносто девять лет. У тёплого моря, куда не допускаются посторонние; в первую очередь – инорасцы. Фрукты в обмен на информацию, витамины в обмен на исследования. Что в наше время ценней информации?

«Я лечу к нему.»

«Нет.»

«Я хочу видеть сына! Я имею право!»

«Не сейчас. Вы нужны здесь в качестве консультанта. Мамерк сказал бы: вы нужны родине. И, в целом, был бы прав. Я скажу проще и понятнее: вы нужны мне.»

«Моя жена? Валерия? Она может повидаться с Марком?»

«Не вижу препятствий. Почему бы матери не навестить сына? Я распоряжусь и сообщу вам, когда ей можно будет вылететь на Тренг.»

Сеанс гиперсвязи ему позволили. Пять минут, плоская картинка.

«Привет, сын. Как ты?»

«Нормально. Залатали, даже шрамов не осталось. Знаешь, какая у нас медицина? Бездельничаю круглые сутки. Купаюсь, загораю, нагуливаю жирок. Ананасы ем, финики околачиваю. Потом – наоборот.»

Пошутил, значит. Загорелым Марк не выглядел.

«К тебе мама летит. Прости, меня со службы не отпускают.»

«Мама? Отлично, жду.»

Вспомнив мать, Марк запнулся. Юлий ждал: сейчас сын спросит про деда. Нет, не спросил. Что с тобой сделали, парень? Через что ты прошёл? Реабилитация?! Да пропади оно всё пропадом, если мальчишек швыряют в пекло, как дрова в костер!

Сейчас в Юлии было больше мальчишества, чем в Марке.

«Я прилечу к тебе, как только отпустят.»

«Скорее уж я к тебе! – сын впервые улыбнулся. – До встречи.»

И после неловкой паузы, за миг до разрыва соединения:

«Спасибо, папа.»

Знал? Догадался?!

Не важно.

...почему так долго? Из главного выхода повалил народ. Где Марк? Кто-то махал Юлию рукой. Юлий обернулся, отслеживая движение. Неужели сын воспользовался обычным путём? Нет, это был не сын – брат. Военный трибун Гай Тумидус проталкивался сквозь бурлящую толпу. Юлий шагнул навстречу, мельком бросив взгляд на дверь для дипломатов.

Вспыхнула зеленая полоска.

Створки разошлись в стороны.

КОНТРАПУНКТ

МАРК КАЙ ТУМИДУС ПО ПРОЗВИЩУ КНУТ

(здесь и сейчас)

Однажды я попал на творческий вечер Вениамина Золотого. Поэт, он впервые издал сборник прозы.

– Я пишу для вас, – сказал он публике. Кажется, Венечка был пьян. – Я пишу для себя. Парадокс? Ничуть. И то, и другое в одном флаконе. То, что я написал для вас, вы прочтете. То, что я написал для себя, не ваше дело. Свое я спрятал. Оно вне строк и предложений. Вне физических действий героев, вне поступков и движений души. Вне рассуждений и философствований. Оно прячется не в балагане с вывеской «что написано», а в тихом чуланчике, где ножиком на стене выцарапали: «как написано». Хорошо? Плохо? Нет, просто всякий раз по-разному. Когда вы поймете, почему я сегодня пишу так, а завтра иначе, вы станете мной и вырвете мне сердце. А в противном случае...

И он показал публике кукиши.

Великий Космос, как же его освистали!

(из воспоминаний Луция Тита Тумидуса, артиста цирка)

Парадная форма сидела на нём, как вторая кожа. Казалось, он в ней родился. Сукно тонкое, из натуральной шерсти; тёмно-синее, как вечер над Октубераном. Золото пуговиц и знаков отличия – россыпь созвездий. Двубортный, прилегающий в талии китель; бритвенно-острые стрелки брюк. Гагат, похожий на каплю смолы в серебряной оправе – «Глаз Бури» II степени скреплял тугой воротник. Орлы в петлицах, по три в каждой. Седьмой орёл флагманом вознёсся над вверенной ему эскадрильей – кокарда на фуражке с высокой тульей.

Хоть сейчас на парад. В столицу, в метрополию!

Глаза – две льдинки. Левая блестела ярче правой, дробясь еле заметными фасетками. На таком взгляде оскальзываешься, будто на «зеркальце», отполированном сотней ног. Падаешь, проламываешь лёд, до крови режешься об острые края, прежде чем ухнуть в стылую воду – и понимаешь, что офицер прибыл не для парадов.

– Марк...

Юлий Тумидус шагнул к сыну. Хотел обнять; не решился, замер в неловкой позе.

– Здравствуй, папа, – Марк пришел к отцу на помощь.

Юлий вцепился в протянутую руку, как упавший с обрыва – в спасительную веревку. Ладонь у Марка была твердая, жесткая. Похоже, он сдерживал силу, боясь причинить отцу боль. Чужой, взрослый; всё видит, всё контролирует...

Свободной рукой Юлий хлопнул сына по плечу:

– Ну наконец-то! Ты был прав...

– В чём?

– Ты прилетел ко мне раньше, чем я к тебе.

Улыбайся, велел Юлий себе. Улыбайся, болван. Сумеем ли мы с Валерией растопить этот лёд? Надеюсь, что да. Надеюсь, у нас для этого будет время.

– Дела, – согласился Марк. – Я в курсе, как тебя загрузили. Зато теперь хоть каждый день...

– Скажи это моему начальству. Будь их воля, я бы...

– Извини, папа.

Марк сделал шаг в сторону. Щёлкнув каблуками, вытянулся во фронт:

– Здравия желаю, господин военный трибун!

– Вольно, обер-центурион.

Рукопожатие дяди и племянника вышло крепче, чем у отца и сына. Военный трибун отстранился, изучая молодого офицера.

– Похож, – кивнул он.

В голосе Гая Тумидуса звучала странная печаль.

* * *

– Навигация – хорошо.

Расчеты по семи точкам, вспомнил Марк. Шесть, пять, три. Серебро игл в зрачках. Слизь улитки в раковине черепа. Коррекция курса. Искушение, морок; звезды. Какое там хорошо! С натяжкой, удовлетворительно. Если бы не Кий с Тарара, мир их праху...

Мир.

Прах.

Огненное погребение на орбите Острова Цапель.

– Пилотирование – отлично.

Вой, вспомнил Марк. Рёв. Хрип двигуна. Болтанка. Слой облаков. Я тормозил маневровыми. Они, по крайней мере, слушались. Глиссада превратилась в ломаную линию. Треск сучьев. Визг металлопласта. Полная мощность на движки. Режим обратной тяги. Взлетать было легче. Мы летели домой, это всегда легче.

Отлично.

Мы выжили, значит, отлично.

– Физическая подготовка – хорошо.

Чикман, содрогнулся Марк. Он атаковал стремительным, змеиным броском. *Кими* отогнал меня к колонне, не оставив пространства для манёвра. *Киб* бил размашисто, мощно; крылья и клюв – одно целое. *Иик* несся, как ветер. Минус глаз. Минус селезенка. Плюс знание языка и мигрень.

– Вы меня слышите?

– Так точно!

– Мне показалось...

– Я вас слушаю, господин дисциплинар-легат!

Начальник училища отошел к окну. Заложив руки за спину, Гракх с минуту молчал. Ему было неуютно в санаторском коттедже. Ему было дважды неуютно наедине с Марком Тумидусом. Гракх настаивал на личной встрече, писал рапорт за рапортом. Сейчас он понимал: зря. Между курсантом, которого он знал, и офицером, с которым он встретился, лежала пропасть.

Дисциплинар-легат не в первый раз стоял у края этой пропасти. Когда-то она отделила его самого от курсанта, каким Гракх был тысячу лет назад.

– Огневая подготовка – хорошо.

– Я промахнулся, – возразил Марк.

– Что?

– Я стрелял из положения лёжа. Чужой пистолет... Это меня не извиняет. Я промахнулся. Тизитль ушёл. Я ранил его в бедро, но он всё равно ушёл.

– Расстояние?

– Шестьдесят метров. Может, больше.

Поразмыслив, Гракх решил не заострять внимания на бегстве какого-то Тизитля. Зачёт сдавался не в тире, стрелок одной ногой был в реанимации... Балл выставлялся комиссией сообразно прежним достижениям курсанта Тумидуса. Учитывай комиссия экстремальную стрельбу в положении лёжа – оценку бы, скорее всего, повысили.

– Психология поведения ботвы – отлично.

– Благодарю.

Гракха покорила ирония ответа. Он не видел причин иронизировать.

– Координация действий в *корсете* – отлично.

– Пятнадцать против пятерых.

– Что?

– Тройной перевес. Доспехи. Мы сбросили их с пирамиды.

Скорей бы это кончилось, подумал дисциплинар-легат. Ничего не произойдёт, если я не озвучу остальные оценки. Ничего не случилось бы, если бы я вообще сюда не приехал. Старую, делаюсь сентиментальным. Пора в отставку.

– Поздравляю, – хмуро подвел он итог. – Ваш диплом об окончании училища будет отослан к месту прохождения вашей службы. Запрос от командования лежит в канцелярии. Если хотите, копию мы вышлем по указанному вами адресу.

– Деду, – кивнул Марк. – Вышлите копию моему деду, Луцию Тумидусу, на Октуберан. Адрес дать?

– У меня есть.

У меня нет, подумал Гракх. Но это неважно. Копией займется та контора, откуда я получил приказ: экстренно оформить диплом. У них отыщется любой адрес в Ойкумене. А я хочу побыстрее закончить наш разговор.

И всё-таки он не удержался.

– Катилина, – сказал Гракх. – У него проблемы. Вы в курсе?

– Что?!

Марк сорвался с места. Вихрем он подлетел к окну, толкнув дисциплинар-легата. Уставился вниз, на крыльцо, где дремал молоденький ягуар: сытый, ленивый. Руки дрожат, отметил Гракх. У парня дрожат руки. А вот уже не дрожат.

– Всё в порядке, – улыбнулся Марк. – Никаких проблем.

– Катилина, ваш сокурсник. Вы дрались на дуэли. Ресурс его клейма не восстановился полностью. Катилина нуждается в регулярных инъекциях сервостиламина. Иначе поводки истончаются...

– Да? – равнодушно спросил Марк. – Сочувствую.

* * *

Сочувствую, подумал Гай Тумидус.

Военный трибун знал этот взгляд. Он видел его в зеркале по утрам – с тех пор, как звено штурмовиков под командованием обер-центуриона Тумидуса сожгло пять вехденских «каребов» в созвездии Дикого Жеребца. Первая настоящая битва. День, когда он не дал ударить во фланг помпилианской флотилии. Звено порвали в клочья, Гай выжил чудом. После боя капсулу с обожжённым, потерявшим сознание командиром звена подобрала спасательная бирема медицинской службы.

– Как здоровье?

– К строевой службе годен!

В зале космопорта Бен-Цаных перед военным трибуном стоял он сам, обер-центурион Тумидус тридцатилетней давности. Какое чувство испытываешь при встрече с молодостью? Гордость? Сожаление? Желание предостеречь? Слова разбегаются: как ни назови, все мимо «яблочка»...

– Разрешите обратиться?

– Разрешаю.

«Только не вздумай поздравлять меня с возвращением расового статуса! С новым званием, и прочая, прочая, прочая! На гауптвахте сгною!» Военный трибун не был телепатом. Но Гай очень надеялся, что эта мысль достаточно ясно отразилась на его лице.

– Спасибо. И вы, и отец... Вы сделали всё, чтобы нас вытащить.

– Почему ты говоришь это мне?

– А кому надо?

– Почему не отцу?!

– Вытаскивали меня, – Марк смутился. Повернулся так, чтобы видеть обоих мужчин. – А вытащили всех. Спасибо.

В битве у Дикого Жеребца среди погибших был Ицилий Отон Руга, однокашник Гая по училищу. Друг; ведомый. Ведомые потом у Гая были, а друзья – нет.

– Похож, – повторил Гай.

И добавил чуть слышно, для одного Марка:

– Не вздумай повторить мою судьбу, балбес!

– Так точно! – козырнул наглец. – Разрешите быть свободным?

Марк едва заметно мотнул головой, скосив глаза в сторону бюро справок. Трибун даже не стал туда смотреть. Он и так знал, кто там стоит. Н'доли Шанвури, дочь Папы Лусэро, терпеливо ждала, пока родственники получают своё.

– Свободен.

* * *

– Унтер-центурион Тумидус!

– Я!

– Выйти из строя!

– Есть!

Чеканный шаг. Плац насквозь продут ветром.

– Унтер-центурион Тумидус! Вам присваивается внеочередное звание обер-центуриона! Благодарю за службу!

– Служу Отечеству!

Плещется орёл на знамени. Машет крыльями.

– За личную храбрость в бою обер-центурион Тумидус награждается орденом «Глаз Бури» II степени. От имени командования...

– Служу Отечеству!

– Встать в строй!

– Есть!

Ничего этого не было. Плац, знамя, орёл – ничего. Орден с наградными документами Марк нашел в коттедже – утром, после прогулки у моря. Бархатная коробочка лежала на перилах. Рядом – удостоверение в обложке из натуральной кожи. Копия указа о присвоении внеочередного воинского звания, придавленная галькой. Кто принес орден, Марк не знал. Кто-то, кому был хорошо известен распорядок дня новоиспеченного обер-центуриона.

Знали, что мимо не пройдет.

Двоилось в глазах. Фасеточный имплантант приживался трудно. На днях Марка ждала вторая операция на зрительном нерве. С селезенкой было проще. Правда, неистово чесался бок. Хотелось взломать ребра, залезть внутрь и скрести там. Врачи уверяли, что чесотка угмонится к концу месяца. Куда больше врачей смущали мигрени. Марк даже заподозрил, что из-за мигреней его могут признать негодным к строевой. Он перестал говорить эскулапам о головной боли. Когда интересовались, отвечал, что всё в порядке. Поверили врачи или нет, а мигрень поверила – сделалась мягче, терпимей. На свежем воздухе, в особенности по жаре, она отпускала, едва начавшись. Даже под крышей, в ветреный или дождливый день, стоило Марку представить себя на солнцепёке, где-нибудь высоко в горах – и мигрень растворялась, как сахар в воде.

По утрам, умываясь, он долго смотрел на себя в зеркало. В фас, в профиль... Боялся, что меняется форма черепа. Врачей не спрашивал, чтобы не привлекать лишнего внимания. Раз помалкивают, не лезут с измерениями, значит, норма.

Однажды не выдержал – спросил. Между делом, как бы из праздного интереса.

- В вашем возрасте? – уточнил врач. Он торопился, но без возражений задержался на пару минут. – Вас интересует лицевой череп или мозговой?
- Мозговой, – наобум брякнул Марк.
- В целом, пустяки. Увеличивается основание в поперечном и переднезадном направлениях. Оформляются воздухоносные пазухи... Что-то с глазом? Беспокоит?
- Не очень.
- Ну и славно. Насчет черепа поройтесь в вирте, там есть...

* * *

К Н'доли шёл чужак. Офицер с душой, затянутой в мундир. Либурнарий, охотник за рабами, снабженец своей треклятой родины. Фокусник, превращающий свободу в электричество. Олицетворение всего того, за что дочь Папы Лусэро ненавидела Великую Помпилию.

К Н'доли шёл человек, с которым она лежала в одной постели. Давно, в прошлой жизни. Из-за неё молоденького курсанта исключили из училища. Его она отправилась спасать, без колебаний ринувшись за край Ойкумены, в пурпурно-золотые пески Крови.

«Завидую, – так думала Н'доли когда-то, – крошке, которая разбудит его сердце.» Теперь, в зале Бен-Цанаха, она думала иначе. Не завидовала; нет, не завидовала ни капельки.

Еще вчера она была старше Марка. Это осталось в клетке слова «вчера». Обер-центурион Тумидус был гораздо старше Н'доли Шанвури. Проклятье! – он ей в прадеды годился. Старше на войну; на сгоревшую галеру, на погибших сослуживцев. Старше на плен; на жизнь и на смерть.

...из-за этого сукина сына едва не погиб Папа...

Будь справедливой, велела себе Н'доли. Марк тут ни при чём. Думаешь, Папа вышел в Кровь из-за него? Ерунда! Папа вышел бы в Кровь в любом случае. Папа – антис, упрямый болван, вот и все причины. Полудохлый, он валяется на Китте в малом теле, давится овсяной кашей, запивает жиденьким чаем и улыбается во сне. Папе снится, как он раз за разом выходит в Кровь – драться и умирать. Смертельный номер: на манеже – глотатель ядерных боеголовок. Отличный сон; временами кажется, что Папе не хочется просыпаться.

– Здравствуй.

Сейчас, поняла Н'доли, Марк поблагодарит меня за участие в спасательной экспедиции. Потом развернется и уйдет: прямая спина, армейская выправка. Будь рядом телепат, он бы прочел мысли Марка и сказал мне: «Ты права, дурочка.»

– Привет. Я тебе признательна.

Все-таки ей удалось его удивить. Сбить с толку.

– За что?! Я ничего...

– Без тебя я никогда бы не вышла в большое тело.

Цинично, прямо. Не ожидал?

– Рад, что у тебя получилось.

Взгляд Марка изменился. В льдистом прищуре мелькнула тень лукавства. Нет, померещилось. Никакой тени. Просто у него глаза разные.

– Хочу тебя кое с кем познакомить.

Марк обернулся к «дипломатическому» выходу. Там ждали трое сопровождающих: помпилянцы из службы безопасности и пожилой, седой как лунь уроженец Ларгитаса. Учёный, за парсек видно. Граф или маркиз жутких тамошних наук с зубодробительными названиями. Что делает ларгитасец в этой компании?

Марк махнул рукой:

– Катилина!

* * *

Пляж в этом месте был галечный. Приходилось выбирать, куда ставишь ногу: иначе поскользнешься, грохнешься вверх тормашками. Спуск от коттеджа в бухту славился высотой и крутым нравом. Марк мерял его трижды на день: сперва шагом, подолгу отдыхая на куцах, заросших травой площадках, принаравливаясь к ёканию под ребрами, затем – быстрее, и наконец – бегом. Лечащий врач хмурил брови, но помалкивал.

Сейчас Марк, выбравшись из воды, стоял у топчана. Рядом, в охотничьей стойке, замер Катилина. К ним по пляжу шел человек, которому здесь было не место, и это не нравилось ни Марку, ни ягуару.

– Что вы делаете на Тренге? – спросил Марк, едва гость приблизился.

– И вам доброго утра, – рассмеялся Белый Страус.

Якоб Ван дер Меер, маркиз этнодицеи, был одет по-походному. Дорожный костюм со множеством карманов, ботинки с высокими шнурованными голенищами. Голову маркиза защищал полотняный шлем с назатыльником. Казалось, Белый Страус минутой раньше вынырнул из джунглей.

– Как вы сюда проникли?

– С боем. Перестрелка, поножовщина, рукопашная. Гора трупов у ворот, – ларгитасец наслаждался ситуацией. – Велите, чтобы прибрали, а то протухнут. Жарища...

Марк шагнул вперед:

– Я вынужден вас задержать.

– Очень на это рассчитываю, – маркиз поклонился, сняв шлем. – Задержите меня на месяц, лучше – на два. Нам есть о чем поговорить. Вернее, вам есть о чем поговорить, а мне есть что послушать.

Он кивнул на ягуара:

– Тотем? Покровитель? Йе-кыла?

– Тиран, – вздохнул Марк. – Диктатор. Кто такой йе-кыла?

– Перевоплощение шамана в зверя.

– Вы верите в эту чушь?

Вместо ответа Белый Страус протянул руку и почесал Катилину за ухом. Ягуар мурлыкнул басом. Марк с изумлением взирал на идиллию, подозревая, что он здесь – третий лишний.

– Я доверчив, – кончиками пальцев Ван дер Меер щекотал рокочущего хищника под челюстью. – Я и вам поверю. Вы, главное, рассказывайте. Когда детенышам исполняется шесть месяцев, самка ягуара впервые выводит потомство на охоту. Вашему есть полгода?

– Не знаю, – честно ответил Марк. – Наверное, есть.

– Ему надо охотиться.

– Не надо. Он всю дичь распугает. Катилина – паникёр.

– Трус?

– Инфразвуковой биоизлучатель. Сеет панику вокруг себя. Захочет – будете бежать дальше, чем видите. Сталкивались с таким убоищем?

– Не доводилось. Расскажите?

– Государственная тайна.

– Да ладно вам! Вы ведь сразу поняли: я на Тренге с разрешения начальства. Будь я одержим идеей расового превосходства, я бы сказал: с разрешения моего и по нижайшей просьбе вашего начальства. Сорвать меня из экспедиции – это надо очень попросить... Вас выжали, как тряпку, офицер Тумидус. И не спорьте со мной! Вас опросили, допросили и расспросили. Человек? Личность?! Нет, вы теперь ходячий интерес – козырный, международный. Я вас намочу

и выкручу по-новой. Помните, на Ломбеджи вы спрашивали у меня, что такое этнодицея? И я ответил: это наука о правах народов. Что вам показалось удивительней всего на Астлантиде?

– Конфликт устремлений, – не задумываясь, ответил Марк.

– Я читал отчёты тех, с кем вы беседовали на эту тему. Повторите для меня, вкратце. Астлане должны сопротивляться пленению? Бежать, драться?

– Кастовые астлане – нет. Дикари – да.

– Почему?

– Плен должен быть честным. Иначе у дикарей не стимулируется теменная чакра. Соответственно, не наступает эйфория, мощное желание «уйти в солнце». Падает энергетичность...

– У всех астлан яйцевидные черепа?

– Только у кастовых. В смысле, цивилизованных.

– Что происходит, если кастового астланина хочет пленить кастовый астланин, гражданин вражеского государства? Десант с корабля инопланетян?

– Не знаю.

– Кастовый обязан бежать, драться до последнего? В этом случае система работает, как с дикарем? Яйцом череп или нет, а вопрос, как я понимаю, упирается в статус «пленник-свободный»?

– Вы что, анализируете этот бред?

Белый Страус присел на топчан:

– Вы даже представить не можете, какой бред я способен подвергнуть анализу. Трьюродный брат вашего конфликта: Мондонг, племена овакура. Речь даже не об энергопространственном феномене, имеющем место в обоих случаях. Целый народ, одержимый идеей-фикс: не позволить чужакам вторгнуться в мозги аборигенов; не уважающий предков, допустивших такое вторжение... Когда же запрет нарушается во второй раз, у всего населения летит крыша. Вы видели фильм «Мондонг»? Ричард Монтелье снял прекрасную картину. Не без художественного вымысла, и всё же...

– Не видел, – Марк взял полотенце. – Чем у них дело кончилось?

Он видел другое: причину, по которой начальство, рискуя потерять лицо, пригласило на Тренг язвительного маркиза-ларгитасца. Имперские эксперты, кому Марк, едва восстановив силы, месяц напролет ездил по ушам, блестяще накапливали информацию. Складировали, вешали ярлычки. Но выводы – новые башенки из старых кирпичиков – у них получались не в пример хуже. Во всяком случае, никто из экспертов не усмотрел аналогий, какие провел Ван дер Меер. Для этого маркизу понадобилась минута разговора и пара ключевых слов: конфликт устремлений.

– Где?

– На Мондонге.

– Резнёй, молодой человек. Чем обычно заканчиваются фильмы? Большой резнёй...

* * *

О Марке Кае Тумидусе госпоже Зеро было известно больше, чем новоиспечённый оберцентурион знал о себе сам. Тем не менее, информация, полученная из третьих рук – это одно, а личный контакт – совсем иное. Контакт уже начался, хотя Марк и старуха не обменялись и парой слов. Имперская безопасность наблюдала за молодым офицером, ни во что не вмешиваясь.

Мимические реакции. Манера держаться. Походка. Пластика движений. Интонации. Смысл произнесенных слов имел значение в последнюю очередь. Отец. Дядя. Молодая вудуни. Реакции разные, в пределах ожидаемых. Всё укладывалось в составленный специалистами психопрофиль. Госпожа Зеро терпеть не могла сюрпризов. Возможно, потому, что по роду службы

сталкивалась с ними чаще, чем хотелось бы. Если б еще хоть один из сотни сюрпризов оказывался приятным!

Ну да, как же...

Психопрофиль Марка являл собой серьезную аномалию: он больше подходил мужчине в возрасте тридцати пяти лет, плюс ряд оригинальных нюансов. Нуждаясь в Тумидусе-младшем, старуха желала знать, чего следует ожидать от особого консультанта по Астлантиде. Знать «до восьмого знака после запятой», как выражаются господа яйцеголовые, и речь идет не об астланах с их вытянутыми черепами.

В вопросах имперской безопасности любая мелочь – крупней слона.

Прогноз психоаналитиков был благоприятным: Марк станет сотрудничать и по долгу службы, и по личным мотивам. Оптимальное сочетание. Соответствуй психопрофиль биологическому возрасту обер-центуриона, стоило бы опасаться вспышек энтузиазма – непредсказуемых, зачастую вредящих делу. Но аналитики хором заверяли: психологически Марку под сорок, и пору юношеского задора он перерос.

Когда на сцене объявился новый персонаж – ягуар Катилина – госпожа Зеро удвоила внимание. Психофизиологическая связь парня с ягуаром подтверждалась трёхмесячными наблюдениями. Катилина для Марка значил больше, чем просто ручной зверь. Рычаг влияния? Если понадобится, давления? Старуха еле заметно усмехнулась, видя, как хищник убирает голову из-под руки вудуни. Чуть не цапнул, стервец. Вудуны умеют ладить с животными, да видать, нашла коса на камень.

Ключик. Зверь – ключик к парню. Интересно, передастся ли Марку часть неприязни Катилины к темнокожей красотке? Надо взять на контроль. Военнослужащий обязан выполнять приказы, но приказы можно выполнять по-разному. Ниточка эмоционального контакта не повредит. Такие «ниточки» крепче нанопластовых тросов.

Ну что, со всеми поздоровался?

На родственные посиделки в ближайшем кафе старуха отвела Тумидусам полтора часа. Выше крыши для встречи после долгой разлуки. Пусть знают: начальство уважает семейные чувства. Здесь, на Тишри, господа Тумидусы, вы ещё успеете друг другу надоесть...

Она засекала время.

* * *

– Достаточно. Отдыхайте.

Лингвистка, сухонькая женщина в звании манипулярия, вышла из комнаты. Глядя ей вслед, Марк вспоминал болото, увязший бот – и ультиматум, который он выдвигал Змею в присутствии Тизитля. Когда языковеды Помпилии узнали, что обер-центурион Тумидус владеет астланским, как родным, их охватила эйфория, едва ли не более сильная, чем эйфория тузиков, «уходящих в солнце». Тем ужасней было разочарование: очень скоро выяснилось, что по своей воле Марк не в состоянии произнести по-астлански ни слова. Если к нему обращались на языке Острова Цапель, он отвечал соответственно, но если вопрос ставился на помпилианском или на унилингве...

Надежды рухнули. Мучаясь от разочарования, Марковы собеседники предполагали, что их жертва врет, прикидываясь, будто не различает языков, подозревали заговор, злой умысел, шизофрению. Они бы разорвали Марка в клочья, сумеи каждый клочок обратиться в глагол, местоимение или имя существительное. Понадобилось время и приказ свыше, чтобы эта братия угомонилась.

Теперь практиковалась иная метода. Раз в день к Марку являлась дама-полиглот, изучавшая астланский по аудиозаписям, накопленным в компьютере бота и подвергнутым программному анализу. Она говорила с Марком только по-астлански, провоцируя ответную реакцию.

Спрашивала одно и то же по триста раз, прыгала с темы на тему. С каждым новым уроком лингвистка разговаривала всё чище, усложняя предложения, увеличивая словарный запас. Марк восхищался талантом гостыи и мучился собственной неполноценностью, мешавшей ускорить процесс.

– Марк?

– Да?

– Тебе надо прилечь. Днем ты должен спать минимум час.

В дверях стояла мама. Она прилетела вчера, на рассвете, и с порога развернула бурную деятельность. Перед маминым напором спасоперация, осуществленная силами эскадры «Гладиус», выглядела жалкой клоунадой. Лингвистке крепко досталось на крыльце: та затила урок на целых две минуты.

– Я была на вашей кухне, – сурово сказала Валерия. – Говорила с шеф-поваром. Он разрешил мне готовить для тебя.

Марк представил повара, распятого на разделочной доске. Ножи в нервных узлах, зубочистки, загнанные под ногти. Кухонный комбайн, урча, дожёвывает причинное место.

Картина отдавала жутковатым натурализмом.

– Меня нормально кормят, – он боролся с желанием встать по стойке «смирно». – Вкусно и полезно. Ты зря беспокоишься.

– Ты будешь есть домашнее, – отрезала Валерия. – Это не обсуждается.

В голосе мамы звенел металл.

* * *

– Здравия желаю!

– Добрый день, – кивнула старуха.

Посиделки отменялись. Их, ни минуты не колеблясь, отменил этот парень, чей психопрофиль госпожа Зеро выучила, как таблицу умножения. Вместо того, чтобы идти с отцом и дядей в ближайшее кафе, он быстрым шагом приблизился к имперской безопасности и вскинул ладонь к козырьку. Светлые глаза внимательно изучали лицо старухи: так подтверждают самому себе, что видишь человека, знакомого по рассказам других людей. Ему показывали мою голограмму, уверилась госпожа Зеро. Он запомнил.

– Прибыл в ваше распоряжение!

– Хотите отдохнуть с дороги?

– Никак нет!

– Хорошо. Моя машина ждет снаружи.

– Разрешите вопрос?

– Спрашивайте.

– Куда мы летим?

– Куда? – старуха улыбнулась. – Разумеется, к асланам.

Отличная реакция, отметила она. Решил, что я тащу его в космос, но проглотил изумление. Готов подчиняться, значит, готов приказывать.

– К асланам, – повторила госпожа Зеро. И уточнила: – К пленникам. Вы в курсе, что десант, спасая вас, прихватил в суматохе теплую компанию туземцев?

– Никак нет!

Старуха прекрасно знала, что о пленниках Марку ничего не известно. Это она личным распоряжением запретила говорить ему об асланах, захваченных десантом. Сейчас госпоже Зеро интересовало другое: как Марк воспримет известие о пленниках. Имперская безопасность держала паузу – мощную, театральную – приглашая Марка заговорить первым. Старуха хотела слышать, что скажет обер-центурион Тумидус.

– У нас проблемы? – вполголоса спросил Марк.

– У них проблемы, – уточнила госпожа Зеро. Голос старухи потеплел: вопрос ей понравился. – И, замечу, дело не терпит отлагательств. Это вы, мой герой, дома. А аслане, мягко говоря, в гостях...

Я дома, подумал Марк. Тренг, Тишри; да хоть Ломбеджи! Какая разница? Я дома, в Ойкумене. Я видел маму; вот – отец, дядя... «Дом? – насмешливо спросил кто-то из недр пирамиды. – Уверен?» Аслантида отпускала с неохотой. Безумный Остров Цапелъ маячил на горизонте: в тени его Марк отвечал на вопросы, ел, пил, купался в море. Ночью, когда тело и мозг требовали отдыха, над ним распаивалась чернота чужого космоса. Во тьме полыхало бьющееся сердце. Из протуберанцев живой звезды рождались пятеро: чикчан, кими, киб, иик, кан.

Звали к себе.

Он просыпался в холодном поту. Долго лежал с открытыми глазами, глядя в потолок. Пытался заснуть; рано или поздно проваливался в забытье. К счастью, сердце являлось не каждую ночь.

Глава вторая

Сезон охоты на цапель

I

Рыжий коротышка с нескрываемым скепсисом оглядел Марка с головы до ног. «Особый консультант? – читалось в его взгляде. – Прислали вояку-десятинщика, он мне тут наконсультурует!» На маркиза Ван дер Меера руководитель группы контактёров отреагировал ещё хуже. Инорасцам доктор Тиберий Фабиус Лепид не доверял с детства. Увы, приходилось терпеть: по факту контактами с пленниками занимались помпилианцы, но проект находился в юрисдикции Совета Лиги.

– Доктор Лепид, будьте добры, опишите нам ситуацию.

Госпожа Зеро была сама вежливость, но коротышку тон старухи ничуть не смягчил. Что это за консультанты, которых надо за ручку водить?!

– Объекты номер один и два: Мекатль Куолли и Яотль Чикахуа. Рядовые спецподразделения. Имена и звания – всё, чего мы смогли от них добиться. Любуйтесь...

В обзорной сфере развернулась просторная комната с широченным окном в полстены. Жильё походило на апартаменты комфортабельного отеля. Две кровати, мягкие кресла, стол; встроенные шкафы, сервисная автоматика. Двери в душевую и санузел – раздвижные, как принято у асслан. Интерьер и мебель – в охристо-золотистых тонах.

Ну и, конечно, скрытые камеры наблюдения.

Картину портило одно: рядовые спецподразделения нисколько не напоминали постояльцев отеля. Скорее уж пациенты психиатрической клиники: стандартные, цвета толченого кирпича, штаны и робы, кожаные сандалии на босу ногу. Мекатль, если верить нашивке на рукаве, сидел на кровати, уставясь в окно. Он едва заметно покачивался, словно в такт неслышимой музыке. Яотль бродил из угла в угол. Останавливался, утыкался взглядом в стену, пялился на неё в недоумении. Казалось, ассланин силился понять: откуда на его пути возникла преграда? Затем Яотль разворачивался и нога за ногу брёл обратно.

Лица обоих коверкала одинаковая гримаса: ожидание счастья, сладостная пауза. Было жутковато видеть преддверие оргазма, застывшее на минуты, часы, дни.

– ...экстремально высокий уровень нейромедиаторов: дофамина, серотонина, эндорфинов, – вещал доктор Лепид. – Объекты пребывают в состоянии постоянной эйфории. Попытки медикаментозной и волновой нейтрализации эффекта дали слабовыраженный и кратковременный результат. При попытках вербального контакта наблюдались приступы гиперактивности объектов. Просьбы, требования... Я бы сказал, мольбы. С переходом в истерические припадки, которые с трудом удавалось купировать. Постепенно приступы становились реже. Около недели назад они прекратились полностью. Объекты замкнулись в себе, на контакт не идут.

– Чего они требовали?

– Боюсь, хромает программа перевода. Они настаивали, чтобы их немедленно «отправили в солнце». Возможно, какая-то метафора. Идиома? Я склоняюсь к эйфорическому бреду. При такой концентрации нейромедиаторов в крови...

– Это не бред, – вздохнул Марк. – И не метафора.

– У вас есть предположения, господин консультант?

Вопрос доктора сочился ядом сарказма.

– Предположения? У меня есть ответ.

– Не поделитесь ли со мной своими знаниями?

– Сперва вы ответите на мои вопросы. Как долго объекты пребывают в состоянии эйфории?

– Около трёх месяцев. Всё время, что находятся под нашим наблюдением. Их сюда такими доставили.

– А до того, как попасть к вам?

– Нам сообщили, что объекты впали в эйфорическое состояние с момента... – Лепид покосился на ларгитасца и закончил, тщательно подбирая слова: – С момента изъятия их из привычной среды.

– Это все пленники? Если нет, я хотел бы взглянуть на поведение других.

– О-о-о, поведение других! Желаете полюбоваться? Прошу!

Сфера мигнула, картинка сменилась новой.

– Знакомьтесь: Манойя Илхикамина, лейтенант зенитно-ракетных войск ПВО.

Манойя Илхикамина, одетый так же, как и рядовые, лежал лицом вверх на круглом, гладко отполированном столе, широко раскинув руки и ноги. Кисти и стопы безвольно свесились со столешницы; голова запрокинута, глаза закрыты. На губах лейтенанта мерцала блаженная улыбка идиота. Из уголка рта текла вязкая слюна. Рядом воздвиглась стойка с медицинским оборудованием. Под одежду асланина уходило множество серебристых паутинок, ведущих к датчикам.

– Давно он так?

– Вторые сутки. Прерывистая эндокринная кома.

– Прерывистая? – спросил Якоб Ван дер Меер.

Обычно говорливый сверх меры, Белый Страус впервые нарушил молчание.

– Мы пытались переложить его на кровать. Он приходил в себя, вскакивал, бежал к столу и укладывался на нём, как сейчас. На столе объект снова впадал в кому. Решено было больше не перемещать его. Следить за состоянием объекта и обеспечивать ему принудительное питание можно и в таком положении.

– Оставили на столе в порядке эксперимента, – усмехнулся Белый Страус. Реплика маркиза была пропитана желчью. – Захотели посмотреть, вернется ли он в сознание, лёжа на вожденном столе, и если да – как себя поведёт. Верно? И что? Больше он в себя не приходил?

– Нет, – отрезал Лепид. – Этому у вас тоже есть объяснение?

– Есть. Стол.

– Что?!

– Круглый стол, – ларгитасец сложил в кольцо большой и указательный пальцы. Таким жестом показывают, что всё в порядке. – В культуре аслан круг – символ. Образ солнца, куда они стремятся уйти, а угодив в плен – особенно. Просто спят и видят, как на этом кругу им взламывают грудную клетку. Сердце – в энергоприёмник, солярную сущность – в жизнь вечную. Манойю заклинило на круглом столе. Вы замеряли уровень нейромедитаторов?

– Нейромедитаторов, – брюзгливо поправил доктор.

– Вы замеряли их уровень в крови лейтенанта? Перед тем, как он впал в кому?

– Разумеется.

– Он оказался выше, чем у остальных?

– На одиннадцать с половиной процентов.

– Вот вам и ответ.

– Это не ответ! Это вздор! Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что, находясь в плену, аслане впадают в эйфорию. Предвкушают отpravку в солнце – в прямом смысле слова, без метафор и идиом. У них на родине в плен берут исключительно для этого праздника жизни.

– Ерунда! – доктор Лепид стоял на своём. – Астлане – энергеты, и используют жизненную энергию жертв. Допускаю, что пропаганда капитально промыла мозги населению. Эти кретины всерьёз верят...

– Они не верят. Они знают. Как мы знаем, что если подбросить вверх камень, он упадет на землю. У вас, доктор, есть сомнения на сей счёт?

– На какой счёт?!

– Я о камне.

Рыжий эскулап с возмущением фыркнул.

– Вот и у них нет, – вмешался Марк, кивнув на изображение в сфере. – Ни малейших. Они не притворяются, доктор. Да вы и сами могли убедиться. Так притворяться невозможно.

– Это физиология, молодой человек! Одной убежденностью нельзя добиться...

– Вы уверены? – по части сарказма Белый Страус мог дать доктору Лепиду приличную фору. – А может быть, всё-таки психофизиология? Напомнить вам о стигматах у истово верующих фанатиков? О священном трансе шейхов секты Аль-Зубаб? Я лично шесть месяцев просидел на Фихштри, наблюдая танцы зубабитов...

– Ладно, пусть транс, – сдал назад доктор. – Но кома?!

– Усиление психологического эффекта плена за счёт круглого стола, имеющего для астлан ритуально-символическое значение. Могу предположить, что в скором времени господа рядовые впадут в аналогичную кому. Без всякого стола. Столько времени на сплошных эндорфинах – это вам не шутка...

– Ну хорошо, – доктор прищурился. Хитреца, мелькнувшая во взгляде Лепида, навела на скверные подозрения. – Эффект плена, суицидальные стремления... Согласно вашей концепции, все астлане реагируют на плен сходным образом.

Указующий перст ткнул в Манойю, распластанного на столе.

– Кратко и по существу, доктор. Мы поняли друг друга.

– Ещё бы! – плотоядно ухмыльнулся Лепид. – Тогда как вы объясните вот такой факт? Объект номер четыре!

Сфера переключилась на другое изображение. Черноволосая женщина в робе сидела за столом, уронив голову на руки. Лицо, скрытое в ладонях, не позволяло увидеть: плачет ли она? заснула в неудобной позе? размышляет?!

– ...снижение двигательной активности. Заторможенность реакций, подавленное настроение – классическая реактивная депрессия! Уровень серотонина и дофамина в крови понижен, то есть, наблюдаем состояние, прямо противоположное состоянию трех других объектов! Ни единого признака эйфории! Надеюсь, господа консультанты, вы подыщите мне прелестное, только что из печки, объяснение?

Женщина медленно подняла голову.

– Изэль! – выдохнул Марк.

II

– Я должен с ней поговорить.

Доктор Лепид зыркнул исподлобья на госпожу Зеро. У рыжего коротышки имелась разработанная программа психологической адаптации астланки, и контакт объекта с консультантом-солдафоном в его планы не входил. К своему неудовольствию, он получил в ответ разрешительный кивок. Возразить старухе доктор не посмел. «Под вашу ответственность!» – хотел заявить он, и промолчал. Госпожа Зеро и так отвечала здесь за всё.

– Я вас провожу.

Пять минут они шли по коридорам представительства, спускались по коротким лестничным маршам – в противоположное крыло корпуса, на два этажа ниже. Всю дорогу доктор не

умолкал: спешил дать вводные, снабдить хотя бы минимумом информации, необходимой для контакта с объектом номер четыре.

– ...ступор, растерянность, подавленное состояние... Но не так, как сейчас! На вопросы отвечает, но кратко и через силу... Нет, мер принуждения мы к ней не применяли! Мы же контактеры, а не экзекуторы!.. Разговор не поддерживает, сразу умолкает... Да, поначалу задавала вопросы. Позже перестала. С какого момента? Мы хотели её немного встряхнуть, продемонстрировать нашу добрую волю... Она всё твердила, что она – «нечестная пленница». Наверное, ошибка программы: имелась в виду «несчастливая». Мы ей устроили воздушную экскурсию по Тишри. Мол, никто вас взаперти не держит: спрашивайте, мы ответим...

– Да, – невпопад сказал Марк.

– В депрессию она впала после экскурсии. Признаю, наша вина, не учли. Мы рассчитывали, что она – учёный, руководитель программы по контактам... Не какой-нибудь дремучий дикарь! В итоге – цивилизационный шок, отягчённый побочными факторами, ряд которых нам не вполне ясен. Со временем состояние улучшилось, но прогресс идет крайне медленно...

У двери скучал охранник: одет в штатское, без оружия. Впечатления «топтун» не производил: ни двухметрового роста, ни мускулов, бугрящихся под рубашкой, ни хищного блеска в глазах. Лицо скорее доцента, чем кулачного бойца. Марк подумал, что он бы поостерегся сталкиваться с этим доцентом на узкой дорожке. Мельком он оценил предусмотрительность старухи: к чему пугать Изэль мордоворотом со злобной рожей?

Двери раскрылись без звука и сомкнулись за его спиной. Госпожа Зеро, Белый Страус, доктор Лепид, осознавая деликатность ситуации, остались снаружи. Текучим движением, как в замедленной съёмке, женщина за столом обернулась к вошедшему. В лице, во всей позе – апатия и бесконечная усталость.

– Изэль...

Асланка моргнула, будто ей в глаз попала соринка. За три месяца Марк успел забыть, как быстро меняется у Изэли выражение лица, отражая эмоции, вскипающие в душе. Недоверие. Удивление. Узнавание. Радость: безумная, хлещущая через край! К последнему Марк оказался не готов. Когда Изэль вскочила, опрокинув кресло, и бросилась к нему, он рефлекторно вскинул руки, защищаясь. В памяти мелькнул моментальный снимок из прошлого: кулак, ломая челюсть, опрокидывает женщину в беспамятство. Это уже было; это повторится сейчас...

В последний миг он заставил себя развести руки в стороны.

– Марчкх! Живой...

Налетела, вцепилась, прижалась.

– Живой...

Уткнулась лицом в шею:

– Марчкх...

По шее текло горячее, мокрое. Хотелось провалиться сквозь землю. Изэль самозабвенно рыдала у него на плече, и Марку ничего не осталось, кроме как обнять её в ответ, и гладить по волосам, и шептать успокаивающую ерунду:

– Всё хорошо, успокойся. Я жив, и ты жива. Всё в порядке, не надо плакать...

Ему никогда в жизни не доводилось утешать плачущих женщин. Великий Космос! В пирамиде, с копьём в руках, одному против пятерых было легче! На Тренге он даже не предполагал, что снова увидит Изэль Китлали. В асланском аду Марк не раз мечтал, как они с Изэлью поменяются местами. Представлял, как черноволосую захватывают в плен, и он допрашивает её. О, унтер-центурион Кнут не стал бы миндальничать и церемониться! Свернуть шею – слишком просто, слишком гуманно; подвергнуть мучениям, выбить всё, что она знает и чего не знает... И что же? «Успокойся, не надо плакать...» Это кошмар, ужасный сон; разбудите меня кто-нибудь!

Рыдания сделались глуше, тише. Изэль замерла, вздрагивая. Отстранилась, смущённо посмотрела Марку в лицо – снизу вверх:

– Я думала, тебя убили. Я ужасно выгляжу, да?

Женщина, вздохнул Марк. Как я выгляжу, и гори огнем галактика...

– Отлично выглядишь, не переживай...

– Ой, мамочка... Ты!.. ты...

Изэль побледнела, что с ее цветом кожи было непросто. Асланка попятилась, в испуге прикрыв рот ладошкой. Марк и не предполагал, что люди могут так себя вести не в фильмах, а на самом деле.

– Что?

Он поискал зеркало. Рога у него выросли, что ли? Фуражку задом наперёд надел?

– Глаза... У тебя их два!

– Ну, два...

– Они смотрят! Оба! Левый блестит...

С большим трудом Марк подавил желание перевести имплантант в фасеточный режим. Хватит с нашей цапли сюрпризов. Ещё в обморок грохнется.

– У меня и селезёнка есть, – буркнул он. – Новая. Старую-то Катилина сожрал... Показать?

– Не надо. Погоди, я сейчас...

И черноволосая умчалась в ванную.

– Только не уходи! – донеслось из-за двери.

– Не уйду, – громко пообещал Марк.

Он включил уником, ткнув в сенсор блиц-номера госпожи Зеро. Старуха откликнулась сразу, в режиме голосовой связи:

– Слушаю.

– У нас в представительстве есть какой-нибудь парк?

Марк нарочно дождался, пока старуха первой скажет хоть слово. Иначе у него, не контролирующего переход на язык собеседника, был шанс удивить госпожу Зеро, заговорив с ней по-аслански.

– Парк? Зачем?

– Для прогулок!

– Парк есть, – согласилась имперская безопасность. – Это вы хорошо придумали. Я скажу доктору, что все путём, да? А то он уже на мыло изошел... Кстати, вы тут упомянули имя: Катилина. О чем речь-то шла, а? О дуэли?

– О селезёнке. Я сказал: Катилина сожрал мою прежнюю селезёнку.

– Да? – вяло удивилась старуха. – Как интересно...

III

Парк разбили в классическом стиле метрополии. Аккуратно подстриженные кусты лавра были высажены вдоль дорожек; сосны и белые акации, пинии и пробковые дубы чередовались в тщательно продуманном беспорядке; заросли лавровишни скрывали ажур беседок; на лужайках тянулись ряды каменных портиков, увитых плющом; блестел пруд в форме кляксы, за ним начиналась платановая аллея...

Каким образом парк уместился на ограниченной территории представительства, оставалось загадкой. Разве что имперские архитекторы, на зависть физикам Ойкумены, изобрели способ локального свёртывания пространства.

Гравий дорожки поскрипывал в такт шагам. С деревьев, кружась в прозрачном до звона воздухе, летели первые жёлтые листья. Их золото пятнало зелень травы. Аллея упиралась в

фонтан: крылатые кони несли на спинах мраморную чашу. Точная копия музейной древности: оригинал Марку довелось видеть в какой-то передаче. В чаше плыл одинокий листок, вызывающе-алый. Черенок гордо вознёсся над гладью воды, уподобясь бушприту парусника.

Корабль цвета крови шел на закат.

Из-за деревьев бесшумно выскользнул Катилина. Окинув Изэль оценивающим взором, нагуаль что-то решил для себя – и, подойдя вразвалочку, потёрся о ногу Марка. В виде особой милости он мазнул хвостом по щиколоткам асланки.

– Он с тобой? Моя Тепин – дома, на Астлантиде...

Глаза Изэли остались сухими. Голос не дрогнул, лицо сохраняло спокойствие. Так говорят о покойнике, когда-то – родном, любимом, сейчас же – прахе, тени, памяти. Так калеки вспоминают о давно утраченной ноге. Умом Марк не до конца понимал, что значат нагуали для аслан. Чего греха таить, он и сам привязался к Катилине. Марк представил, что Катилину забрали и перевезли, к примеру, на Квинтилис. Космос, огромное расстояние, невозможность быть рядом... Ничего особенного он не почувствовал. Жаль, наверное. Потом он представил, что глаз и селезёнка потеряны навсегда. И снова – скорее логика, чем чувства: жаль, наверное.

Есть вещи, о разлуке с которыми не получается размышлять. Вещи, люди, животные. Части тела, наконец. Ты выстраиваешь модель отношений: замок на песке. Малейший ветер, и замок конец. Страдать от воображаемой разлуки – невозможно. Пока вы вместе, никакое воображение не способно сконструировать реальный разрыв. Значит, нет и страдания. Так, блеклый призрак.

– Тебе нужен новый нагуаль?

Они присели на скамейку. Из кустов явилась кошка – пушистая, сытая, трехцветная. Храбро игнорируя ягуара, нахалка вспрыгнула женщине на колени. Под ладонью Изэли кошка блаженно жмурилась, урчала маленьким трактором.

Катилина с презрением фыркнул.

– Бери её. Сама к тебе пришла.

– Шутишь? – вздохнула Изэль. – Тепин жива, я чувствую. У асланина не может быть двух нагуалей. И разве дело в Тепин...

– А в чём?

«Психоаналитик доморощенный!» Марка охватило раздражение. Он злился на самого себя. Встать? Уйти? Это работа. Твоя работа, господин консультант. Тут на маневровых не сядешь, тут всё сложнее. Ошибёшься – Изэль найдёт круглый стол, ляжет на него и закроет глаза. Вот пользы-то отечеству будет...

– Когда высадились ваши, началась стрельба, – ладонь асланки механически, как манипулятор, ласкала мягкий мех. – Я испугалась. Растерялась. Ступор, шок. Я не бежала, не сопротивлялась...

– И что?

– Это не был *честный* плен! Я тупо шла, куда велели. Им даже подталкивать меня не пришлось!

– Ты в курсе, что кроме тебя, наши прихватили еще троих? Военных?

– Да. Они честно сопротивлялись...

– И теперь ждут отправки в солнце, так? Три месяца эйфории! Похоже, скоро они устанут ждать. Просто загнутся от такой радости.

– А меня солнце не примет.

– Глупости! Ты сама говорила: кастовый асланин уходит в солнце, как бы он ни умер!

«Великий Космос! – мысленно застонал Марк. – Что я несу?!»

– Ты видел наших? – спросила Изэль. – Пленников?

– Видел.

– Они ведут себя в точности как дикари. Честный плен, эйфория, задержка на пути в солнце. Раньше на Острове Цапель были мы, кастовые, и дикари. А теперь появились вы. Раз кастовые ведут себя по-дикарски... Марчкх, для вас мы – то же самое, что дикари – для нас. Понимаешь?!

«Но мы никого не отправляем в солнце! – едва не выпалил Марк. К счастью, он вовремя прикусил язык. – Стоп! Этой темы лучше не касаться. По крайней мере, до выяснения, что ей наговорил доктор Лепид...»

– Ну какие же вы дикари? – его голос был голосом медсестры, беседующей с умирающим о погоде; голосом психоаналитика, обсуждающего с клиентом сексуальную тягу к пылесосу. – В любом случае, ты ведь не собираешься сию минуту...

– Уйти в солнце? Нет.

– Отлично! – оптимизм подступил к горлу, Марка едва не стошнило. – Это всегда успеется. Идем, мне нужно переговорить со своим начальством.

– Хорошо. Спасибо за прогулку.

– А кошку всё-таки возьми. Ты ей понравилась.

– Мне не разрешат держать кошку.

– Разрешат. Хоть целую стаю.

– Кошки не живут стаями...

Алый кораблик добрался до края каменной чаши, перевалил через него – и, увлекаемый потоком, бесстрашно скользнул вниз, в неизвестность.

* * *

– Разблокировать двери. Снять охрану.

– Вы! Вы соображаете...

– Предоставить свободу перемещений. Полную свободу! Всем четверым. Наблюдать мягко, со стороны. Захотят выйти в город – сопровождать без давления. Вмешиваться только в крайнем случае. Обставлять дело так, чтобы они сами обращались за помощью.

– Вы с ума сошли! По какому праву...

– Принести искренние извинения. Это могу сделать я сам. Я лучше вас владею астланским языком.

– Вы забываетесь! Щенок! Я готов выслушивать твои идиотские советы, но приказывать ты не имеешь...

Забыв о докторе Лепиде, обер-центурион Тумидус по-уставному, через левое плечо, вернулся к госпоже Зеро, молча наблюдавшей за драматической сценой:

– Астлан надо освободить.

– В смысле?! – возопил доктор.

– В прямом.

Старуха молчала.

– Зачем? – бесновался доктор. – Ну скажите мне: зачем?!

– Вы слышали наш разговор в парке? Разумеется, слышали. Требуется дополнительный перевод?

– Чушь! Чушь собачья! Религиозное мракобесие! Она, видите ли, решила, что превратилась в дикарку! И на этом основании...

– Гордитесь, – заметил Белый Страус, покусывая кончик ногтя. – Изэль включила нас в свою систему мироздания. В системе появился третий, более высокий ярус. И прекрасно, замечу, вписался в конструкцию.

– И вы? – Лепид стал рвать на себе волосы. – И вы туда же?!

Маркиз пожал плечами:

– Главное, убедить аслан, что они больше не пленники. Убедить любым способом. Иначе все труды пойдут насмарку.

– Иначе они умрут?! Покончат с собой? Из-за дурацких предрассудков?!

– Если можно убить человека, – сказал Марк, не оборачиваясь, – лишив его рабов, почему нельзя убить человека, лишив его солнца?

– Вам всё ясно, доктор? – спросила старуха. – Выполняйте.

IV

– Душечка! – позвала Юлия Руф. – Присаживайтесь!

– Мне пора на регистрацию, – возразила Н'доли.

Время и место были выбраны идеально. Бар Юлия облюбовала еще по прилёту на Тишри, коротая здесь время с трибуном Тумидусом. Уют, тишина, безлюдье; располагает к откровенности, как ни один из закутков величественного Бен-Цанаха. Антоний гарантировал, что дочь Папы Лусэро пройдет мимо бара. Он дал отмашку, едва Н'доли объявилась в поле зрения.

– Кофе, душечка. «Корі Luwak», мягкой обжарки.

– Я тороплюсь.

– Со взбитым яичным желтком. С ликером «Курумаа».

– Я...

– Без сахара. Регистрация на рейс «Тишри – Хиззац – Китта» начнется через тридцать две минуты. Мы сможем накачаться хорошим кофе, как грузчики хиззацких верфей – чесночным самогоном. Вы когда-нибудь проходили мимо верфей? Задыхаешься через тридцать секунд...

Н'доли топталась возле столика. Девочка, подумала Юлия, когда ты ещё была сверстников портфелем по голове, я уже знала эту хитрость. Говори с человеком, перескакивай с темы на тему, удерживай доброжелательный тон, избегай пауз – и кто угодно превратится в собеседника, мало-помалу сокращая расстояние.

– Присаживайтесь, – повторила она. – Я сделала заказ на двоих.

Н'доли опустила на табурет:

– Почему вы...

– Одна? – закончила за неё Юлия. – У мужа дела. Во-первых, гипер с тетушкой, а это полтора часа, не меньше. Вы бы знали, как Лючано беспокоится за детей! Он будет мучить тетушку, пока не выяснит, кто как спал, ел и ходил на горшок. Иногда мне кажется, что мать – это он, а не я...

– Я не это имела в виду...

– Не мужа? А кого, простите?

Юлия не отказала себе в удовольствии полюбоваться смущением девочки. К счастью Н'доли, бармен принес заказ и позволил молодой вудуни утопить неловкость в глотке кофе.

– Телохранитель, – вернув самообладание, сказала Н'доли. – Я о телохранителе.

В её словах звучал вызов, плохо понятный самой вудуни.

– Ах я, дуручка! – Юлия хлопнула себя по лбу, стараясь не испортить макияж. – Ну конечно же! Антоний где-то рядом, душечка. Возможно, сидит с нами за столом. Не верите? Зря, между прочим. Мне приходится пинками выгонять его из спальни, когда на Лючано находится игривый стих. И то я не убеждена, что Антоний ушёл до конца. Такие, как он, прячутся в стенах между молекулами... Оставим его в покое, поговорим о вас. Почему вы летите этим рейсом?

– А что? – во взгляде Н'доли читалось подозрение. – Какие-то проблемы?

– Пограничники Тишри считают, что да. Вы же коллантарий? Меня на контроле допрашивали, почему я не пришла пешком. Разве им понять, что коллантарий без группы – обычный человек? Что мы большей частью летаем, как все – в каюте яхты?

- Лайнера, – поправила Н'доли. – У меня нет яхты.
- Ваше счастье. С этой яхтой одни хлопоты! Как вам первый опыт хождения в колланте? Трибун о вас прекрасно отзывался. Говорил: всем бы такую выдержку...
- Врёте. Ничего он вам не говорил.
- Душечка...
- Милочка. В прошлый раз вы звали меня милочкой. Эта перемена статуса – она неспроста, да?
- Пейте кофе, – Юлия указала на чашку. – Остынет. Перемена статуса всегда неспроста. Уж я-то знаю... Вы ходили в колланте, душечка. Позвольте, я продолжу звать вас так? Милочка осталась на Китте. Хорошо, трибун Тумидус ничего не говорил мне про вас. Что вы скажете о трибуне Тумидусе? О его качествах коллантария?
- Мне не с чем сравнивать...
- А вы не сравнивайте. Вы размышляйте вслух.
- Н'доли задумалась.
- Кулак, – наконец произнесла вудуни. – Он держал нас в кулаке.
- И вы не задохнулись? У трибуна крепкий кулак.
- Он знает, с какой силой надо сжимать пальцы.
- Отлично! Лучший ответ, который мне доводилось слышать. Помнится, вы загоняли гуля? Спасали вашего отца? Что вы скажете о кулаке в моменты кризисов?
- В кризисных ситуациях мы были кулаком. Если раньше нас держали в кулаке, то теперь мы превращались в пальцы. Части сливались в целое, не теряя самих себя. Вряд ли вы...
- Н'доли осеклась, сообразив, с кем имеет дело.
- Пустяки! – Юлия засмеялась. – Я не в обиде. Еще вопрос: как вы оцениваете шансы кулака разжаться в критической ситуации? На вас нападает флуктуация, трибун Тумидус ослабляет хватку, коллант в испуге рвет связи...
- Мы спасли Папу, – Н'доли поджала губы, став старше лет на десять. – Полагаю, это было труднее, чем отбиться от хищной флуктуации. Я оцениваю шансы кулака стать беззащитной ладонью... Ноль; близко к нулю. Шансы погибнуть в драке гораздо выше. Почему вы спрашиваете?
- Юлия качнулась к вудуни, словно хотела укусить:
- Потому что коллант, где невропастом шёл Степан Оселков, развалился при нападении. Теперь слушайте внимательно и не перебивайте. На Китте я обратила ваше внимание на то, что все помпилианцы-коллантарии так или иначе служили в армии. Сейчас я добавлю главное: они служили в частях первого эшелона. Они имели опыт действий в *корсете*. Их готовили к *корсету*, ломали и перестраивали заново. Вакцины, регулярные инъекции... Вам известно про вакцины?
- Известно, – быстрее, чем следовало бы, ответила Н'доли. – Переходите к делу. Я опоздаю на регистрацию.
- Нервничает, отметила Юлия. Когда я упомянула вакцины, она разволновалась, как если бы я выдвинула обвинение. Учтем на будущее.
- Резюмирую, душечка. Без армейской спецподготовки, цель которой – умение взаимодействовать в *корсете*, помпилианцу не стать коллантарием. Ни уроженцу Помпилии, ни недопомпилианцу, созданному искусственно в лабораториях Китты. Не перебивайте! Это не только инъекции особых препаратов. Это еще и служба. Опыт пси-координации подразделения; опыт приказов и подчинения. Физиологический опыт, душечка. Дозировка работы клейма в пределах десяти процентов. Для нас, рабовладельцев, это включает частичное изменение рефлекторных функций.
- Вывод? – тихо спросила Н'доли.

– Для полноценного колланта нужен помпилианец, служивший в *корсете*. Замените его – коллант развалится. Если не сразу, то при первом же кризисе. Погибнут люди, дискредитируется идея. Получить опыт службы в *корсете* можно лишь в армии Великой Помпилии. А в армию не возьмут кого попало, хоть вывернись все лаборатории наизнанку... Вам пора, душечка. Обдумайте мои слова по дороге на Китту. И передайте привет координатору Умсле. Если он не дурак, он поймёт.

– А если... – начала Н'доли.

– Значит, дурак, – Юлия встала. – И колланта продолжают гибнуть. А мне придется искать более жесткие способы, чтобы остановить эксперименты Умслы. Счастливого пути, душечка! У моих предков было принято убивать гонцов, принесших дурную весть. У ваших пращуров не практиковалась такая психотерапия? Если да, то я надеюсь на выдержку координатора Умслы. На его месте я бы выписала вам премию. Некоторые дурные вести могут сэкономить кучу времени и средств.

– Кофе, – вудуни отставила пустую чашку. Рассказ о печальной судьбе гонцов не слишком взволновал её. По лицу дочери Папы Лусэро ясно читалось, что рассказ Юлии запустил в мозг Н'доли маховик сложных размышлений. – Это Марк рассказал вам, какой кофе я люблю?

– Марк? Мы не виделись. Просто я предпочитаю «Корі Luwak» с желтком и ликером.

– Без сахара?

– Без сахара. Мне казалось, вам должно понравиться... Я ошиблась?

– Нет. Вы никогда не ошибаетесь.

V

– Слово предоставляется...

Амфитеатр круто уходил вверх. Ряд за рядом – дубовые, обитые кожей скамьи. Для пожилых людей, кому хуже пытки сидеть на твердом дереве – подушки в бархатных, расшитых золотом наволочках, туго набитые шерстью и лузгой гречихи.

– ...Кфиру Бриллю, ответственному члену комитета по санкциям...

В проходе между рядами центрального и западного секторов возникла фигура высокого сухопарого гематра. К трибуне, Кфир Бриль спускался не торопясь, собирая внимание зала на себя. Ступень за ступенью: ропот смолкал, лица поворачивались к идущему. Ширина прохода, как и вся обстановка зала заседаний Совета Лиги, в точности соответствовала древним традициям – разгневанные политики из разных секторов не могли достать друг друга шпагами. Клинки давно отправились в музеи на покой, для лучевика или парализатора это расстояние было пустячным, но Кфир шел так, словно каждую минуту ждал выпада.

– ...по итогам изучения асланского вопроса...

Тенор Гвидо Салюччи, действительного и полномочного председателя Совета Галактической Лиги, плыл над головами. Гвидо обходился без микрофона и усиливающих акуст-линз – зал был спроектирован таким образом, что председатель, не повышая голоса, мог перекрыть самый бурный скандал. Панель, вмонтированная в стол перед Салюччи, позволяла «свести в ноль» глотку наигорластейшего представителя. Палец касается сенсора, и крикун может изойти на мыло – никто, даже ближайший сосед по скамье, не услышит ни звука.

Кфир Бриль воздвигся на трибуне.

– Буду краток, – сказал он. – Мой доклад касается сложившейся ситуации. С вытекающими из нее проблемами вас ознакомит Бруно Трааверн, член делегации Ларгитаса. Итак, ситуация...

Начались факты, цифры, резюме.

– Сухо, – отметила госпожа Зеро, вертя в пальцах лучевой стилус. – Точно. Доступно. Ты слушай, мой мальчик. Тонкий слух нужен не только скрипачу. Это ничего, что я на «ты»?

– Ничего, – кивнул Марк.

Они сидели на балконе, в ложе для прессы. Заседание было закрытым, ложа пустовала. Старуха уже третий раз вставала, опираясь о перила. Переждав боли в спине, госпожа Зеро вновь опускалась в кресло. Сзади, во втором ряду маялся лысый Мамерк. Ему строго-настрого велели не сопеть, и Мамерк не знал, как ещё выразить своё сочувствие имперской безопасности.

– Ничего, – повторил Марк. – Он скажет что-то новое?

– Нет. Ты всё знаешь.

– Тогда почему я должен слушать?

– Главное звучит между слов. Не будь Кфир гематром, мы бы сделали кое-какие выводы из интонаций, мимики и жестов. Ладно, обойдемся и так. О чем он, по-твоему, говорит?

Марк пожал плечами:

– Гибель «Иглы». Гибель «Дикаря». Спасательная операция. Данные по системе. Антисы и коллантарии. Я достаточно краток?

– Вполне, – улыбнулась старуха. – Не хуже Кфира. Ты уверен, что ты не гематр?

– Уверен. О чем же он говорит, по-вашему?

Старуха опять встала. Марк изучал ее профиль: морщины, впадины, острые углы. Между слов, вспомнил он. Выводы из мимики. Он не знал, какие выводы можно сделать из мимики госпожи Зеро.

– Он говорит о Шадруване, – сказала старуха.

– Что?

– Он говорит: однажды случилось так, что Ойкумена столкнулась с чудом. С феноменом, не имеющим объяснений. С планетой по имени Шадруван. Мы, гематры, приняли решение: бомбардировка. Заявляю во всеуслышанье: решение было ошибочным. Мы не желаем повторить свою ошибку во второй раз. Опрометчивость – порок; для гематров опрометчивость – порок, возведенный в степень. Вот вам ситуация по Астлантиде, но будьте осторожны. Бомбы – крайний вариант. Когда дойдёт до голосования, раса Гематр учтёт свой промах по Шадрувану.

Марк повернул голову к трибуне. Кфир Бриль докладывал о спасении Папы Лусэро. В устах докладчика подвиг превращался в страницу из учебника по физике.

– Вы уверены? – осторожно спросил он.

– Разумеется, – отмахнулась госпожа Зеро. – Ты что, оглох?

Внизу шушукались представители рас и планет. Три месяца не прошли для Совета даром. Вопрос Астлантиды в кулуарах обглодали до косточек, выступление Кфира являлось чистой формальностью. Взгляд Марка выхватил смуглого детину в юбочке из листьев и перьев. Не считая юбки и ожерелья из ракушек, детина был голым. Мышцам его мог позавидовать профессиональный борец. Слово почуяв внимание к своей особе, богатырь вскочил на ноги:

– В черной бездне небес Шадруван – злая опухоль мира,
В черной бездне небес Астлантида – открытая рана,
Глупый склонен к ошибкам, мудрец переплавит их в опыт,
Мы всё поняли, Кфир, дорогбй, хватит пудрить мозги нам!

Гул переплавился в хохот.

– Гыргын Лявтылевал, планета Кемчуга, – представила старуха богатыря. – Варвар. Член специального комитета по отправлению правосудия. Лучшая в Ойкумене коллекция старинных пресс-папье. Двадцать лет в Совете Лиги. Народ аримов имеет нездоровую склонность к стихоплётству...

Варвар, подумал Марк. Это я здесь варвар.

– Слово предоставляется...

Гематр сошёл с трибуны. Насмешка могучего Лявтылевала никак не отразилась на его поведении. Лишь подбородок задрался выше обычного, как если бы Кфир высматривал что-то на галёрке. Он доволен, предположил Марк. Он хотел, чтобы кто-нибудь озвучил подтекст его доклада. Еще лучше, если это произойдёт не в официальной, а в шутовской, дружеской форме. Он хотел, а представитель Кемчуги увидел желание коллеги и воплотил в жизнь. Или просто я, уязвлён манерами госпожи Зеро, ищу скрытые мотивы там, где их отродясь не было?

– ...Бруно Трааверну, ответственному члену комитета по санкциям...

В отличие от гематра с его сухим телосложением, ларгитасец напоминал колобок. Семена коротенькими ножками, он скатился по проходу, чудом увернулся от Кфира и буквально вспрыгнул на трибуну. Макушка Бруно едва возвышалась над краями. Председатель Совета шепнул женщине, сидевшей рядом, пару слов, та махнула рукой – и служитель принёс скамеечку для малорослого докладчика. Теперь румяная, щекастая физиономия ларгитасца была выставлена на всеобщее обозрение.

– Проблемы, – громыхнул он мощным басом, так не вязавшимся с внешностью Бруно. – Вытекающие проблемы. Сразу замечу, что они не вытекают. Они, драть их веником, хлещут такой струёй, что хрен утрёшься...

– Нельзя ли без эмоций? – вмешался председатель.

– Нельзя, – отрезал колобок.

– Тогда подбирайте слова. Вы не в пивной.

– В пивной, – мечтательно протянул Бруно. – Хотел бы я сейчас быть в пивной! Но раз уж мне не повезло, слушайте. Энергетическая эволюция населения Астлантиды пошла известным нам путём, но доведенным до опасной крайности...

– Что скажете? – спросила госпожа Зеро у Марка.

– Начал с выпада в адрес Помпилии, – отметил Марк. – Известный путь, доведение до крайности. Вряд ли это просто так...

– Отлично, – поощрила старуха. – Причины такой эскапады?

– Желает уязвить? Нет, слишком просто. Намекает, что при голосовании выступит против мнения Помпилии, каким бы оно ни было? Не думаю: для намека толстовато. Опять же, крайность. Хочет сказать, что у астлан – крайность, требующая оперативного вмешательства? Что к нам, помпилианцам, Совет привык и не намерен раскачивать лодку? Пожалуй... Можно вопрос?

– Да.

– Почему о проблемах докладывает Ларгитас, а не мы? Согласитесь, доклад Помпилии, как первооткрывательницы Острова Цапель, был бы логичней...

Старуха нахмурилась, словно услышала вопиющую чушь:

– Логичней? Наши проблемы, связанные с астланами, в первую очередь рождены нашей потребностью в притоке новых рабов. Иначе «Дикарь» никогда не залетел бы в Кровь. Для Помпилии заговорить с трибуны о проблематике – значит, ткнуть рабством в лицо Совету. Что бы мы ни озвучили после этого, нам придется иметь дело со злым, агрессивным залом. Дипломатам империи стоило больших усилий договориться с Ларгитасом и сбросить оглашение проблем на их представителя.

Мамерк перегнулся через спинку кресла:

– Даю вводную. Ларгитасцы терпеть не могут энергетов. Считают такую эволюцию порочной, свойственной животным, в отличие от цивилизованного, технологического пути развития. Мы для них – единственное исключение. Мы – энергеты с большой долей условности, мы пользуемся рабами, а не ресурсами собственных организмов.

– Ларгитас при голосовании поддержит Помпилию, – сказал Марк. – Поддержит привычное зло против чужой крайности.

– Bravo! – госпожа Зеро беззвучно хлопнула в ладоши.

Марк наклонился вперед:

– Разрешите обратиться?

И, не дождавшись разрешения, продолжил:

– Я – ваш консультант, а не вы – мой. Почему вы взялись учить меня политике?

– Этот вопрос, – старуха улыбнулась, – мы оставим без ответа. С кем вы всё время треплетесь, Мамерк? Секс по уникаму?!

– Секс, – подтвердил лысый. – Меня имеет доктор Лепид.

Начиная с того момента, как гематр покинул трибуну, адъютант госпожи Зеро вел по коммуникатору оживленную беседу «в одни ворота»: слушал, кивал, в нужных местах хмыкал. Вводную про Ларгитас он дал Марку, пользуясь особо длинным монологом собеседника-невидимки. Изображение Мамерк отключил, боясь отвлечь начальство; звук перевел в конфидент-режим. Если бы не гнев старухи, конфиденциальностью можно было пренебречь: ложу прессы обустроили так, что хоть танцы устраивай – вниз, в зал заседаний, без разрешения Гвидо Салюччи не слетел бы и комариный писк.

– Что ему надо?

– Извините, доктор, труба зовёт. Да, я вас понял. Всех благ, – Мамерк прервал разговор. – Кнут, ваша идея сработала. У аслан наблюдается улучшение. Манойя слез со стола. Далеко не уходит, сидит рядом, на полу, но сидит. Яотль выбрался из комнаты в коридор. Вызвал лифт, ехать никуда не стал, вернулся обратно. Сейчас ест тыквенную кашу с молоком. Мекатль без изменений. Нормализовалось кровяное давление, и всё. Где ж вы раньше были, Кнут...

– Какой я вам Кнут? – ледяным тоном осведомился Марк. – Вам я обер-центурион Тумидус. В крайнем случае, господин консультант. Был я, кстати, на Тренге. А перед Тренгом – на Астлантисе.

VI

– Кто там?

– Я.

– Кто – я?

– Доктор Лепид.

– Входите, доктор! Не заперто... Я в ванной!

Переговорное устройство искажало голос, отчего у доктора Лепида прорезалась трагическая хрипотца. А может, просто мешал шум воды. Марк понятия не имел, с какой целью доктор явился в отель на ночь глядя. Что-то стряслось с асланами? Нет, в случае проблем Лепид звонил бы госпоже Зеро – жаловаться на дурака-консультанта...

– А ваш хищник?

Судя по реплике, Лепид всё еще торчал за дверью.

– Входите, говорю! Не бойтесь...

– Ага, входите... Он не кусается?

– Катилины нет в номере! Он в ресторане!

– Где?!

– В ресторане! Ужинает!

– Клиентами? Ладно, под вашу ответственность...

Насчет ягуара Марк сказал чистую правду. Уверенный, что мир создан для него, по прибытии в отель Катилина удрал в ресторан, откуда пахло едой, не дожидаясь хозяина. Спустя десять минут Марку перезвонили в номер. Умилённым тоном шеф-повар доложил, что «ваша кошечка» явилась на кухню, затребовала кусок телячьей вырезки и демонстрирует чудесный аппетит. Если что, пусть не стесняется – здесь ей всегда рады. «Ему, – буркнул Марк, озадаченный ситуацией. – Это самец.» После паузы – проверил, что ли? – повар добавил: «Тем более!»

Марк не знал, что имелось в виду.

Стараясь двигаться без суеты, он закончил бриться. Доктор Лепид подождёт, а навык необходимо совершенствовать. На Тренге, в санатории, Марк увидел, как бреется Белый Страус – опасной бритвой, густо намылив щёки. Убийственное сочетание – беззащитная кожа, под которой проступали вены, и острейшая полоска стали – привело Марка в восторг, причины которого крылись, наверное, в каких-то темных чуланах психики. Видя реакцию молодого человека, Ван дер Меер похвастался, что бритву приобрел на Тетрафиме, у знаменитого антиквара, и что в багаже маркиза есть ещё одна, попроще. Её Белый Страус и подарил Марку в знак расположения, а также провел ряд практических уроков по борьбе со щетиной. Забросив депиляционный крем в утилизатор, Марк с удовольствием предался новому, истинно мужскому увлечению.

Смазав лицо бальзамом и накинув халат, он вернулся в комнату. Доктор Лепид сидел в кресле, забросив ногу за ногу. На столике перед доктором высились три литровые банки с пивом. Рядом лежали упаковка плавленого сыра и коммуникатор в бледно-желтом корпусе. Похоже, Лепид ждал вызова. Рыжий эскулап переоделся, став похож на туриста: шорты, туфли «в сеточку», рубашка навыпуск. Как ни странно, в этом наряде доктор смотрелся внушительней и...

Человечней, что ли?

– Стаканы есть? – спросил доктор. – Или из банок?

Вместо ответа Марк выдернул из банки язычок:

– Чем обязан?

Доктор поддержал компанию, открыв вторую банку:

– Я вел себя не лучшим образом. Извините.

Марк кивнул: всё, мол, проехали.

– У меня к вам вопрос, как к консультанту. Вы обратили внимание на форму асланских черепов? Не отвечайте, не надо. Конечно же, обратили. Спрошу иначе: вы в курсе, что у них это врожденное?

– Нет. Врожденное?

В пиве сквозила приятная горечь.

– Да. Естественное формирование черепа асланина с возрастом приводит к таким результатам. Вот уж точно, что цапли... Добавлю, что у всех народов Ойкумены черепá практически одинаковы, с поправкой на расовые особенности. Теперь второй вопрос: вам известно, что череп, подобный асланскому, можно сформировать искусственно? Тугая бинтовка головы во младенчестве... Виноват, с двух до пяти лет.

– Кто-нибудь это делает? – спросил Марк.

– В основном, дикари. Ныряльщики с Гамбитару, часть племён на Мондонге... Они называют это «головой-башней».

Мондонг, отметил Марк. Белый Страус рассказывал про Мондонг. Проводил параллели с Аслантидой, говорил, что дело кончилось резнёй. Предложить доктору пригласить маркиза в номер? Нет, не надо. Доктор расположен говорить с глазу на глаз. В присутствии третьего он замкнётся, прикончит пиво и уйдёт.

– Как медик, – продолжил Лепид, мало заботясь колебаниями собеседника, – отмечу, что изменение формы черепа не приводит к серьёзным последствиям для мозга. Те же, извините, яйца, только в профиль. Но я знаком с измышлениями буйных эзотериков. Хотите, просвещу?

– Буду признателен, – кивнул Марк.

– Господа шарлатаны воспринимают полусферную форму черепа, как линзу, фокусирующую энергию космоса в нашем мозгу. При деформации черепа изменяется размерность подачи этой энергии. Если у вас «голова-башня», у вас активизируется работа участка в середине лоб-

ной части мозга, а также у затылка перед мозжечком. Растет интуиция и способность творить чудеса. Астлане творят чудеса?

Забросив пустую банку в утилизатор, доктор вскрыл упаковку с сыром. Сжевал тонкую, остро пахнущую пластинку, глянул на Марка и, не дождавшись ответа, продолжил:

– Не буду терзать вас сказками. Эфирное тело над поверхностью головы, энергополе надчерепных мышц... Есть специальные пособия по самомассажу этих мышц. Рекомендуется делать ежедневно, перед утренней гимнастикой. Речь о другом...

Он тронул коммуникатор. В сфере, всплывшей над аппаратом, медленно поворачивался череп – контурный, полупрозрачный. Нижняя челюсть свешивалась вниз, приоткрывая рот. Складывалось впечатление, что череп сейчас потребует пива.

– Это мой череп, – уточнил доктор Лепид. – Прошу любить и жаловать. Смотрите... Вот здесь, – он ткнул пальцем в область затылка, – якобы фокусируется энергия космоса. Связь со Вселенной, и прочие танцы. Замечу, что у меня, как у любого нормального человека, тут и впрямь наблюдается зона повышенной активности. Брайаны называют эту зону чакрой. Полагают, что в ней кроется абстрактное мышление высочайшего уровня. Формы исчезают, остается голое содержание; философы счастливы и писают кипятком... Хотите подробностей?

– Нет, – отмахнулся Марк.

– Ну и славно, – череп в сфере сменился другим, более вытянутым. – А это череп астланина. Если быть точным, рядового Яотля. У него активный участок смещен выше, ближе к темени. Какие из этого выводы? Понятия не имею. И наконец... Это ваш череп, господин консультант. Узнаёте?

Вот ведь, подумал Марк. Как интересно.

– Подозреваете во мне астланина? – спросил он. – Шпиона?

– Остроумно, – согласился Лепид. – Ваш череп в принципе идентичен моему. До астланина вам расти и расти. В смысле черепа, разумеется. Я о другом...

Доктор сделал вид, что царапает голограмму ногтем:

– У вас гиперактивный участок мозга ниже, чем у Яотля. И выше, чем у меня. Судя по результатам обследования, смещение продолжается. Очень медленно, но факт остается фактом. Как у вас с интуицией? Чудес не творите?

– Откуда, – Марк встал, – у вас результаты моего обследования?

– Ну вот, – рассмеялся Лепид, – теперь в шпионы рядят меня! Вы, конечно, боевой офицер, гордость родины... Но вы еще и объект наблюдения. Удивлены? А я – врач с допуском высшей категории. Все материалы, накопленные на Тренге, в моём распоряжении. И нет разницы, что Яотль ест тыквенную кашу, Манойя влюбился в стол, а вы живёте в первоклассном отеле за счёт государства. Я не желаю вам зла, господин Тумидус. Я просто отмечаю странный момент. Вас мучают мигрени?

– Да.

Ещё миг назад Марк хотел ответить: нет.

– Я так и думал. Над вами ставились эксперименты? Я имею в виду плен.

– Да.

– Какие, если не секрет?

– Меня загнали в древнюю пирамиду. Дали копьё в руки. И вынудили драться с пятеркой аслан. Там я потерял глаз и селезёнку.

– Боевик, – фыркнул доктор Лепид. – Мечта продюсера. Продайте сюжет Монтелье, он снимет блокбастер. Раз вы живы, полагаю, что астлане утратили больше, чем просто глаз. Это всё?

– Всё.

– Тогда можете быть спокойны. Драка на копьях не влияет на структурные особенности мозга. Это, конечно, если не воткнуть копьё в голову...

КОНТРАПУНКТ

СУДЬБА АСТЛАНТИДЫ

(здесь и сейчас)

Пиаффе – крайне укороченная, высокая и ритмичная рысь на месте. Выполняется в сборе. Задние ноги подведены под корпус, подвисяние дольше, чем при пассаже.

Серпантин – движение по синусоиде. Проехав угол, делаем полувольт и направляемся к длинной стенке манежа. Стандарт на длине в шестьдесят метров – пять поворотов-букле.

Балансё – передние ноги лошади на каждом шагу ступают в сторону, передняя часть корпуса раскачивается. При балансё на месте задние ноги работают, как на пиаффе.

Работа в пилярах – ...

...и так далее. Адская морока, доложу я вам. В труппе «Гаранди» наездниками руководил Вим Церель с Каутли. Слабый энергет, он обладал способностью брать под контроль – фактически, в рабство – животных. Его лошади потрясли воображение. Любой захудалый конёк спустя неделю творил в манеже чудеса. Мне на ту же выездку требовалась уйма времени, если начинать с нуля. Я не зря сказал: «захудалый конёк». Вим Церель не тратился на дорогих коней. Это было бы расточительством. У таланта каутлийца имелся побочный эффект – его лошади через год выступлений дохли, как мухи. На породистых скакунах Вим бы разорился.

Гильдия цирковых наездников объявила Виму бойкот. Формально обвинить его было не в чем, но Виму начали отказывать в контрактах. Те цирки, которые соглашались принять каутлийца, быстро понимали, что ошиблись. Гильдию поддержали другие профсоюзы: дрессировщиков, клоунов, эквилибристов. Давление усиливалось, Вим запил, и вскоре мы потеряли его из виду.

Нет, инициатором бойкота был не я. Но я поддержал идею. Я боялся, что меня обвинят в протезировании своих. Я не хотел иметь с Вимом ничего общего. Думаете, мне было жалко его лошадей? Я – помпилианец, мне даже людей не жалко, если они рабы.

(из воспоминаний Луция Тита Тумидуса, артиста цирка)

– ...президент Республики Науатль, король Единого Зипактонала и верховный канцлер Содружества Глазопилли откликнулись на Ваше предложение о создании Комитета Обороны планеты. Их полномочные представители придут в Микталь послезавтра. Проект международного пакта разослан всем для предварительного изучения. От Сына Солнца ответ пока не поступил. Милинтикийский Союз всегда тянет до последнего.

– Обстановка на границах?

Сегодня генеральный вождь Верховного Совета Астлантисы был лаконичен. Время речей кончилось. Время? – его вообще не осталось. Это генвождь чуял печёнкой, насквозь проеденной политическими баталиями. Мать Омесиуатль! Неужели пришёл Конец Дней, о котором

кричат фанатики?! Далёк от фанатизма, в глубине души генвождь понимал: усилия тщетны. Даже объединённому Острову Цапель – ещё вчера утопия, мечта идеалистов! – не выстоять против чужаков. Если те ударят всерьёз – раздавят, как муху.

Делай, что можешь, говорил в таких случаях Акамапичтли Первый.

– Пограничные конфликты прекращены по соглашению сторон. На сегодняшний день они не возобновлялись.

Генвождь молча прохаживался перед окном. За стеклом польхал закат. Кровавый нимб светился вокруг головы руководителя ВСА, избранного пожизненно. На фоне алого сияния фигура, облаченная в строгий сюртук без регалий, казалась высеченной из куска антрацита. В движении генвождю лучше думалось.

– Мобилизация?

Не дожидаясь ответа, он возвысил голос:

– Программа модернизации вооружений и средств обнаружения?

Встал министр обороны:

– Мобилизация проходит с опережением графика на четырнадцать процентов! Отмечен большой энтузиазм населения, особенно в среде молодёжи. Программа модернизации вооружений – в первую очередь, средств ПВО и ракетно-космических войск – разворачивается строго по плану. Первые шестнадцать термитно-энергетических ракет «Тоноак» класса «земля – воздух», с повышенными скоростными характеристиками и радиусом действия, поставлены на боевое дежурство. Новые средства обнаружения, действующие в нетрадиционных волновых диапазонах, в состоянии разработки. Полностью готов один экспериментальный образец. Сейчас он проходит испытания.

– Ясно. Что по проекту «Ксиухкоатль»?..

...изображение, поступающее с нанокамер, напылённых на мундир министра обороны, сбоило и дёргалось. Силуэт генвождя расплывался туманным ореолом, чтобы миг спустя «навестись на резкость». Впору было поверить, что генеральный колеблется: перейти ему в дисперсное состояние и бегом отправиться в солнце – или остаться в материальном мире.

Звук камеры давали превосходный.

«Люблю военных! – усмехнулся дежурный оператор «Бешеного». – Докладывают чётко и ясно. Ничего лишнего! «Толмач» отлично справляется с переводом.»

* * *

– Слово предоставляется...

Не прибегая к «глушилке», председатель Совета Лиги дождался, пока шум в зале стихнет. Ждать пришлось недолго: всем хотелось быстрее перейти от анализа ситуации к обсуждению вариантов решения проблемы. Выступления Брилля и Трааверна были данью регламенту: за три месяца, пока шла работа в комитетах, а эксперты-помощники готовили резюме для представителей, вопрос успели обсосать до зеркального блеска.

– ...достопочтенному Ачарье Мохан Прасаду, представителю расы Брамайн. Шри Ачарья, прошу вас...

На трибуну поднялся брамайн в белых одеждах, украшенных гирляндами живых цветов, по виду – уроженец Чайтры, колыбели цивилизации аскетов. Цвет его кожи был не просто смуглый, а с лёгкой синевой. Обводя взглядом зал, докладчик медлил: не ради тишины, но для концентрации внимания. Когда момент показался Ачарье выгодным, он сдвинул густые брови на переносице:

– От имени расы Брамайн я предлагаю консервацию Астланτιды. Нельзя позволить асланам выйти в космос. С целью минимизации жертв о решении Совета жителям Аслан-

тиды будет объявлено заранее, таким образом, чтобы оповестить население в максимально полном объёме. После оповещения военные корабли Лиги, вставшие на дежурство, получают недвусмысленный приказ: расстреливать все искусственные объекты, выходящие на орбиту планеты. Помня о феномене конфликта энергий, вследствие чего стрельба в пределах системы влечет за собой непредсказуемые последствия...

Он взял паузу, давая Совету время вспомнить о гибели «Дикаря».

– Корабли Лиги должны вести огонь с безопасного расстояния. Несложные расчёты дадут командованию ясное представление о том, на какой дистанции взрыв при накрытии цели не зацепит стрелявшего. Рекомендую использовать двойную или даже тройную безопасную дистанцию. Современное оружие позволяет без затруднений решить проблему дальности...

Брови сошлись теснее:

– Мы, брамайны, привыкли терпеть. В терпеливости лежит корень нашей силы, как энергетов. Мы готовы терпеть и в данном случае. Возможно, со временем энергия нашего терпения по отношению к Астлантде переродится в определенную пользу. Благодарю Совет за внимание.

Председатель наклонился вперед:

– Кто поддерживает предложение достопочтенного шри Ачарьи?

– Мы.

Встал долговязый Кфир Бриль:

– От имени расы Гематр, как член комитета по санкциям, я поддерживаю идею консервации планеты. Ко всему вышесказанному я бы добавил следующее: необходимо точечное уничтожение лабораторий, научно-исследовательских институтов и заводов, где ведутся работы, целью которых является освоение космического пространства. Астлане должны чётко понимать, какие отрасли запрещены к развитию. К консервации я рекомендую добавить системный карантин. Система AP-738412 должна быть категорически закрыта для посещения официальными организациями и частными лицами без специального разрешения Совета Лиги.

– Спасибо, мар Бриль.

Консервация, подумал Марк. Системный карантин. Дом, и в нём – Изэль. Сидя в ложе для прессы, он ясней ясного увидел пустующий дом: множество комнат и коридоров, удобства и места для отдыха, запасы пищи, которых хватит на всю жизнь, и даже больше, если вести не слишком расточительный образ существования. Изэль одна-одинёшенька бродила по гулким пространствам здания, переходя с этажа на этаж, из столовой в гостиную, из спальни в туалет. Когда она приближалась к окну, берясь обеими руками за подоконник, пуля откалывала щепку от рамы, намекая: стоп! Женщина спускалась к двери, слушала, как за хрупкими створками рожает канонада. «Выйди за порог, – говорил далёкий гром, – угодишь под снаряд!» Временами в доме взрывался тот или иной чулан: по всей видимости, там изыскивался способ покинуть дом без позволения. Марк понятия не имел, почему карантин видится ему таким старомодным: пуля, снаряд, чуланы... Образ Изэли, запертой в доме, не вызывал у обер-центуриона Тумидуса особых чувств. Сострадание, жалость, возмущение несправедливостью – нет, скорее оценка ситуации, поиск плюсов и минусов.

– Журналисты, – сказала госпожа Зеро. Похоже, ход ее мыслей был сродни размышлениям Марка. – Политики-конкуренты. Пронюхают, поднимут вой. Зверские методы, попрание гуманности и всё такое. Ладно, глотки можно заткнуть. Обывателей можно отвлечь. Но консервация – это бомба типа Шадрувана. Неизвестно, когда консервы рванут. Если астлане найдут выход в гипер...

– Расходы, – добавил лысый. – Содержание контингента в течение очень долгого времени. Считаю, бессрочный вариант. Придется раскошелиться...

Судя по лицу Мамерка, он уже считал деньги.

* * *

– Ну что, золотце? Есть успехи?

Доктор Сакнайт вздрогнула. Инспектор службы безопасности имел привычку возникать в помещении бесшумно, как призрак. Инспектором этот мелкорослый живчик с ухватками записного сердцееда представился в свой первый визит. Сакнайт подозревала, что на самом деле господин Тизитль занимает в иерархии рыцарей «плаща и кинжала» куда более высокую должность. Но это её не касалось: желает скромничать – пожалуйста.

Тизитль, обычно – щёголь, сегодня был облачён в экранирующий комбинезон цвета беж, обязательный при входе в лабораторию. Подходящего размера для коротышки не нашлось, спецодежда висела на Тизитле клоунским балахоном. «Блоха в скафандре!» – рассмеялся в соседней комнате лаборант Кусома.

Кусома был дурак. Надо понимать, над кем смеешься.

– Кое-чего мы добились, – доктор Сакнайт подбирала слова с величайшей осторожностью. Она не в первый раз имела дело с такими, как Тизитль. – Главное, нам удалось выяснить принцип преобразования энергии, который используют чужаки в своём оружии. Отчасти он сходен с принципом работы наших энергоприёмников. Но они нашли более эффективное, я бы сказала – универсальное решение. Трансформация происходит путем регулируемого изменения базовых характеристик энергопотока в высокочастотном...

– Золотце! – с укоризной прервал её Тизитль. – Я – скромный невежда, меня от ваших монологов в сон клонит. Когда стрелять будем? Скоро?!

– У нас нет соответствующих материалов и технологий...

– Что же у нас есть? Гроб с бахромой?

– Опытный образец. Его мощность и энергоресурс, не говоря уже о надежности...

– Постреляем? Я сгораю от нетерпения.

– Прошу за мной, в испытательный ангар.

Скорой на ногу Сакнайт пришлось умерить шаг: Тизитль заметно прихрамывал, опираясь на трость из чёрного дерева, с набалдашником в виде головы разъяренной змеи. В прошлый раз, припомнила доктор, он хромал сильнее. Боевое ранение? Пока мы тут выводим формулы...

– Наша гордость. «Ксиухкоатль», первая модель.

«Ксиухкоатль» напоминал крупнокалиберный пулемёт с ребристым кожухом охлаждения, смонтированный на лафете передвижного зенитного комплекса. Сбоку, вместо короба с лентой, крепился стандартный энергоприёмник – обвешанный соленоидами, обвитый паутиной кабелей и волноводов.

– Иуитль! – окликнула Сакнайт техника в лиловой спецовке. – Инспектор желает увидеть стрельбы.

– Сию минуту, док! Добрый день, инспектор! Я...

Наткнувшись на ласковый взгляд Тизитля, техник поперхнулся и исчез за дверцей, ведущей в топливное хранилище. Не прошло и пяти минут, как он возник снова. Вложив в энергоприёмник сочащееся кровью, ещё содрогающееся сердце, Иуитль стянул и швырнул в корзину для мусора испачканную резиновую перчатку; захлопнул крышку приёмника и щёлкнул тумблером. Вспыхнула россыпь контрольных лампочек, возвестив о том, что «Ксиухкоатль» полностью заряжен и готов к стрельбе.

– Расстояние семьдесят пять метров. Плита из легированной стали. Толщина пять сантиметров. Длительность импульса – три секунды. Господин инспектор? Иуитль? Огонь!

«Ксиухкоатль» басовито загудел – точь-в-точь высоковольтный трансформатор. Из ствола ударил ослепительно-белый луч. Стальная плита взорвалась фейерверком искр.

Секунда, другая – и в центре образовалось сквозное отверстие с оплавленными, раскаленными докрасна краями.

– Ваше мнение?

В вопросе доктора Сакнайт звучала гордость.

– Дерьмо, – ответил Тизитль. – У нас нет никаких шансов.

Он играл с тростью, дёргая змею за клыки.

* * *

– Слово предоставляется...

В теноре Гвидо Салюччи стелился не просто бархат – целая ковровая дорожка. Председатель Совета был похож на доброго дедушку, приглашающего любимого внука влезть на табурет: прочесть стишок, получить конфету.

– ...уважаемому Гыргыну Лявтылевалу, представителю свободной Кемчуги. Любезный Гыргын, прошу вас...

Богатырь в юбке занял место на трибуне:

– Злобный Анахо гуляет морским побережьем,
Зарится, дьявол, на жизнь мою, жён моих жаждет,
Лань боязливая прячется в чаще от волка,
Храбрый охотник покончит со злобным Анахо!

– Удачная аллитерация, – кивнул председатель. – Все эти «ж-ж-ж» создают фон. Опять же, стилизация под фольклор. Продолжайте, уважаемый Гыргын!

Марк ожидал смеха в зале, но его не было. На этот раз Совет увидел в поэзии кемчугийца нечто большее, чем заметил сам Марк.

– От лица племён свободной Кемчуги, предварительно выразив своё уважение высокочтимому Совету Лиги в целом и господину председателю лично, понимая возложенную на меня ответственность, как член спецкомитета по отправлению правосудия...

Казённой прозой представитель Кемчуги изъяснялся не менее свободно, чем стихом, с изяществом, демонстрирующим превосходное владение канцеляритом. Чувствовалось, что образование Гыргын Лявтылевал получил не в тростниковой хижине на диком острове.

– ...считаю консервативные меры половинчатыми и не дающими долговременных гарантий. Фактически шри Ачарья при поддержке мар Брилля советует нам отложить проблему Астлантиды до лучших времён. Резервация с вышками по периметру? Блокирование выхода в космос? Карантин? И всё потому, что мы не готовы называть вещи своими именами?! Предвидя упреки в предательстве идеалов гуманизма, я, варвар из варваров, дикарь и потомок дикарей, настаиваю на радикальном решении. Астлантида должна быть уничтожена! Да, уничтожена со всем населением планеты! Это, дамы и господа, не просто кровожадная, а значит, тупиковая ветвь эволюции. Это ошибка природы. Угроза, касающаяся всех нас в равной мере, от вехдена до ларгитасца. Есть проблемы, которые надо выжигать в зародыше, так, чтобы и следа не осталось...

Кемчугиец взмахнул могучей рукой:

– Предвосхищая закономерный вопрос председателя, хочу отметить, что я не одинок в своем видении ситуации. Ещё до голосования, в частных обсуждениях, позицию Кемчуги поддержали Тетрафима и Хиззац. Представитель расы Вехден, благородный Магуй Шабаханг, также склоняется к моему предложению, о чём он позволил мне заявить с трибуны Совета...

Уничтожение, подумал Марк. Залп кварковых торпед с безопасного расстояния. Облако кварк-глюонной плазмы, конец биологической плесени. Руины дома, где жила Изэль. Ясней

ясного он увидел плавающее здание: ракета за ракетой, снаряд за снарядом, брызги плавящейся черепицы летят фейерверком, осыпь уродует стены, выбитая рама свисает вниз, будто глаз, вытекший на щеку. Вход завален грудами кирпича, из окон вырываются языки пламени: багровые, охристые, пурпурные, в лучших традициях Острова Цапель. Где-то там, в доме, Изэль: женщина, обезумевшая от ужаса, зверь, визжащий от безысходности, горящий факел, скелет, обглоданный огнем дочиста, кучка обугленных костей, раздавленных тяжестью упавших перекрытий. Даже сейчас, наблюдая за игрой собственного воображения, Марк был далёк от острых эмоций: скорее он понимал, что должен чувствовать, чем чувствовал на самом деле. Сострадание, возникающее при виде чужих мучений, и равнодушие, свойственное природе Марка в отношении рабов, отсутствовали в равной мере.

Их место заняло нечто третье, плохо объяснимое.

Это война, сформулировал он вариант ответа. Это война, а я – солдат. «Alles!» – щелкает кнут, и конь бежит по кругу, потому что так надо.

– Вехдены, – сказала старуха. – Нет, я не удивлена. Меня скорее удивляет Хиззац. А вехдены... Они всегда ненавидели Помпилию.

– Астлантиду, – поправил Марк. – Вы хотели сказать: Астлантиду.

– Молокосос, – в голосе старухи не было раздражения. – Щенок сопливый. Вехдены ненавидят нас. Им, гордецам, невыносимо представить себя в рабстве. И вот: юная, не набравшая взрослой мощи Помпилия за краем Ойкумены. Её зовут Астлантидой? Она ещё не Великая? Тем хуже для неё. Как не уничтожить такой подарок судьбы? В зародыше, пока не встала на крыло... Это намёк. Учись понимать намёки, мой мальчик. Или лучше: мой герой?

Марк молчал.

– Граждане не поймут, – Мамерк громко высморкался в платок. Лысого мучил насморк. Мамерк был сопливый, но вряд ли щенок. – Не одобрят. Щелкопёры пронюхают, растрезвонят; Совет Лиги отправят в отставку. Именно потому что намёк, прецедент с прицелом на будущее. Если можно один разик, почему нельзя другой разик? Первый же залп по Острову Цапель спровоцирует гонку вооружений в Ойкумене. Плюс комплексы: трудно жить, зная, что уничтожил целую расу. Гыргыну хорошо, у него шкура – броня...

«Нельзя оставить вас без рабов, – Марк так явственно услышал Белого Страуса, словно Якоб Ван дер Меер сидел рядом. – Утвердить закон силой означает геноцид, войну на полное уничтожение. Помпилианцев – к ногтю, всех до единого? Для Ойкумены это станет кровавой баней. Даже в случае победы Лига окажется в яме, полной гноя и мертвечины. Выкарабкаемся ли? Гибель целой расы... Чьи плечи выдержат такую ответственность? Давний, привычный конфликт грозит меньшим злом, чем радикальное решение конфликта...»

– Реплика с места, – объявил Гвидо Салюччи.

Внизу поднялась толстая женщина с невыразительным лицом гематрийки. Поведение толстухи удивило Марка: от расы Гематр выступал Кфир Бриль, и тот уже озвучил свою позицию, поддержав брамайна.

– От имени Совета антисов, – толстуха говорила чётко и ясно, словно боясь, что её поймут неправильно, – я, Рахиль Коэн, заявляю: мы поддерживаем уничтожение Астлантиды. Спасибо за внимание.

Кфир Бриль шевельнулся. Будь на месте гематра кто другой, он бы вскочил и разразился оскорблениями, о которых позже горько бы сожалел.

– Ещё бы, – заметила госпожа Зеро. – Не ожидал, да?

* * *

– Готовность две минуты!

– Есть готовность две минуты.

- Статус мишени?
- Стационарный. Координаты подтверждены.
- Наведение?
- Есть наведение!
- Спутниковое окно?
- Район испытаний будет находиться вне зоны наблюдения туземцев в течение тридцати семи минут.

– Даю отсчёт. Десять, девять...

Корабельный излучатель главного калибра ударил с дальней орбиты. После гибели «Дикаря» дистанцию при испытательных стрельбах сохраняли с большим запасом. Старались беречься, даже поражая цели не в открытом космосе, а на поверхности планеты. Пурпурная оторочка вокруг Атлантиды, едва видимая на обзорниках, в кратчайший миг налилась злым, колючим багрянцем. Иссиня-черная воронка промялась над полярной шапкой планеты, и луч ушёл в её жерло. Внизу, среди ледяных торосов, в кипении снежных вихрей покоилась мишень: титанопластовая плита с датчиками. Какой-то шутник с «Бешеного» вырезал в центре плиты забавную мордочку: волосы дыбом, рот разинут в истошном крике.

Ни живой души на тысячу километров вокруг. Ни единого спутника в зоне наблюдения. Группировка кораблей Лиги имела чёткий приказ: не обнаруживать своего присутствия.

Над плитой взметнулось облако пара. Наблюдение велось не только с орбиты, но и с атмосферных зондов, защищённых камуфляж-полем. Все передачи проходили сквозь атмосферу с помехами и искажениями; далёкие предки говорили в таких случаях: «через пень-колоду». Но интегральный сигнал с трёх зондов, пропущенный через фильтры и программу-интерполятор, давал приемлемую картинку.

– На поверхности мишени зафиксировано повышение температуры на девяносто три градуса. Коэффициент рассеяния луча в атмосфере составляет...

- Статус мишени?
- Мишень не поражена.
- Повтор.
- Есть повтор!

Вспышка. Вспухает навстречу киноарный глянец. Облако пара над торосами. Плавится тысячелетний лёд.

- Мишень не поражена.
- Готовьте плазменный удар.

На сей раз пурпур отреагировал бурно. Расплылся, засветился радужными кляксами – плёнка бензина на воде в поляризованном свете. Искра, и польхнёт. В пасмурной вышине над ледяным континентом заиграли, переливаясь, сполохи внеурочного полярного сияния.

Улеглось. Погасло.

- Мишень не поражена. Прикажете повторить?
- Отставить повтор! Время до входа спутника в зону наблюдения?
- Семнадцать минут тридцать секунд.

– Перейти к атмосферным испытаниям. Задействовать когерентный излучатель зонда номер один.

Разработчики операции были предусмотрительны. Да, корабельный излучатель на полутонный беспилотник не поставишь. Но, как говорится, чем богаты... Короткий и толстый, похожий на фаллос, ствол выдвинулся из корпуса зонда, уставился вертикально вниз.

– ...два, один, ноль!

Над торосами воссияло мертвенное бело-зелёное зарево. Казалось, подземное солнце мира мёртвых решило взойти, восстать после тысяч лет спячки, прожигая кору планеты. С

диким шипением лёд превращался в пар, не успевая стать водой. Забавная рожица – рот-крик, волосы дыбом – ушла в небытие вместе с плитой из титанопласта, так и не докричав до конца.

– Докладываю: мишень поражена.

* * *

– Слово предоставляется...

Марк не слушал. Он и не представлял, насколько потрясен заявлением Рахиль Коэн. Гематрийка от имени Совета антисов пошла против мнения представителя расы Гематр – в случившемся был привкус безумия, катастрофы, вселенского обмана. Ненависть, подумал он. Ненависть – область знания, где я, безусловно, специалист. Совет антисов поддержал идею уничтожения Астлантиды из ненависти. Они бы поддержали любые карательные меры; радикальные – в первую очередь. В этом – в искусстве ненавидеть – мы, помпилианцы, и они едины. Наша ненависть природна, естественна. Антисы ненавидят Остров Цапель, потому что не в силах войти в Кровь, как они называют систему AP-738412. Путь закрыт, в этот дом они могут заглянуть лишь в унижительной для антисов форме малого тела – значит, уничтожаем, и хватит разговоров. Мы, рабовладельцы, ненавидим астлан, потому что не в состоянии их заклеить, оставшись при этом в живых. Еще одно унижение; тайный позор. Просто мы лучше владеем собой, умеем сдерживать ненависть до поры, загоняем ее в рамки целесообразности. Надо же! – оказывается, в чем-то мы сильнее антисов...

– Титу Флацию, представителю Великой Помпилии...

Дом, увидел Марк ещё до того, как помпилианец, одетый в мундир имперского наместника, с погонями, сплошь «защитыми» листьями дуба, взошёл на трибуну. Дом в лесах глобальной перестройки, и в доме – Изэль. Как старомодным был арналет при разрушении, так и стройка выглядела гостьей из прошлого. В ней жировали динозавры: диплодоки кранов, трицератопсы бетономешалок. Крушились стены, возводились новые; укреплялся фундамент. Три этажа надстраивались, выпятившись скелетами балочных конструкций; левое крыло сносили подчистую. Марк, сколько ни вглядывался, не мог заметить Изэли, но понимал, что она там – в белом дыму известки, в тучах кирпичной крошки, в грохоте и лязге. Оглохшая, ослепшая, на шаг от безумия, на два от гибели, Изэль пряталась в здании, стремительно меняющем облик, как червяк в яблоке, угодившем в соковыжималку.

Над домом висело солнце – багровый ком шерсти.

– Ждёте, что Великая Помпилия обеими руками вцепится в идею уничтожения Астлантиды? – надменно спросил Тит Флаций. Крючковатый нос его нацелился в зал, словно клюв орла. Пальцы-когти сжались на краю трибуны, как на горле жертвы. – Что мы поставим эмоции выше целесообразности? Выше принципов гуманности? Ну да, проклятые рабовладельцы... Перед тем, как озвучить наше предложение, заранее уведомляю, что просвещенный Ларгитас, а также раса Вудун в лице ее представителя поддерживает нас целиком и полностью. Итак, Великая Помпилия предлагает...

Глава третья

Старик Тит дурного не посоветует

I

На входе в «научную часть» скучал охранник: лопухий, веснушчатый парень. Жестом он указал Марку на панель папиллярного сканера и продолжил грызть ногти. Марк не двинулся с места. Моргнув, парень виновато развел руками: «Инструкция. Сами понимаете...». Всё более раздражаясь, Марк шагнул к сканеру. Охрана? Бардак! Руками они, понимаешь, разводят. В лицо они меня, понимаешь, знают... Молокосос! При современных технологиях подделать внешность – раз плюнуть. Окажись консультант Тумидус, к примеру, вехденским террористом – свернул бы олуху шею, или пронес бы в здание, спрятав под мундиром, пластинчатую гравимину. Установил бы в энергоблоке...

Едва заметно охранник покачал головой: нет, мол. И не думай. Расслабленность парня превратилась в дрему кота, готового единым взмахом лапы насадить на коготь зазевавшуюся муху. Веснушки побледнели, уши плотно, как у зверя, прижались к черепу. Возраст, написанный у молокососа на лбу, превратился в фальшивку, в отвлекающий манёвр: при современных-то технологиях... Марка аж пот прошиб, так вокруг завоняло опасностью. Стараясь не делать резких движений, консультант Тумидус приложил к сканеру ладонь. Загорелся зеленый индикатор: гость был опознан, как человек с допуском класса «А».

– Доктор Лепид у себя?

Охранник пожал плечами. Наверное, ему запрещалось разговаривать на посту. А может, парень от природы был молчалив.

В комнате дист-контроля сидел сменный оператор. Голову и плечи его вместе с подголовником кресла окутывал «капюшон» рабочей сферы. Оставалось загадкой, чем занят лаборант: наблюдает за вчерашними пленниками, тешит душу оргазмами вирт-порно или спит, гадёныш, пользуясь моментом. Расслабленная поза намекала на последний вариант. Памятуя конфуз с охраной, Марк не стал делать скоропалительных выводов. Ему пришлось повысить голос: на приветствие лаборант среагировал со второго раза. Вздогнув, он крест-накрест махнул рукой, и сфера погасла, истаяла ключьями тумана. Отчаянно моргая, на Марка уставились честные-честные голубые глаза:

– Ага, здрасте!

Лицо мягкое, шевелюра дыбом. Спал, бездельник! Даже притворяться как следует не умеет. Цивил, одним словом.

– Где доктор Лепид?

– В кабинете...

Поразмыслив, лаборант отрекся от показаний:

– Н-не знаю...

Кабинет оказался заперт. Марк давил на кнопку вызова так, словно хотел выжать из кнопки сок, стучал в дверь костяшками пальцев, жажнул кулаком – никто не отозвался. Плюнуть и уйти? Не то чтоб доктор был срочно необходим... Хотелось узнать из первых рук, а не от лукавого Мамерка, как подействовали рекомендации. Всё-таки до вмешательства консультанта один асланин готовился отбросить копыта, а двое других выглядели немногим лучше. Как они сейчас? Вчера вечером Марк забыл расспросить доктора о подробностях, пребывая под впечатлением от игр дипломатов, а позже вовлечённый в сеанс сравнительного анализа черепов, включая собственный.

– Доктор? – удивился шустрый сотрудник, отловленный за шкуру. – Ну, точно не скажу. Где-то здесь... Посмотрите у аслан.

Вторая дверь. Третья. Заперто. Открыто, но в комнате – пусто. Снова заперто. С опозданием Марк понял: надо было узнать у оператора личный номер неуловимого Лепида и связаться с доктором по уникаму. Ладно, если его нет у аслан – вернемся. Охрану из коридора убрали, а камеры наблюдения и раньше маскировались так, что хоть с собаками ищи. Полная свобода – или, по крайней мере, её иллюзия. Иди, куда хочешь, делай, что вздумается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.